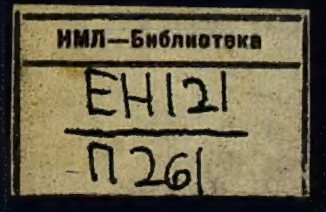
Бухарин Н.И.
Партия и оппозиция на пороге XV парт-съезда.

М.-Л., 1927.

Н. БУХАРИН

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ НА ПОРОГЕ XV ПАРТСЪЕЗДА

ДОКЛАД НА СОБРАНИИ АКТИВА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП (б.)
26 октября 1927 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. БУХАРИН

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ НА ПОРОГЕ XV ПАРТСЪЕЗДА

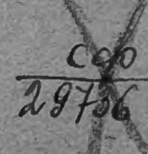
Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б)

26 октября 1927 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 12256/л.
Ленинградский Гублит № 50526.
8 л. Тираж 125 000.

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЕ ИТОГИ К XV С'ЕЗДУ ПАРТИИ.

Вопрос всех вопросов. Отношение между городом и деревней.

Товарищи!

Об'единенный Пленум ЦК и ЦКК, который только что закончил свои работы, был последним пленумом перед очередным, XV с'ездом нашей партии. Совершенно естественно поэтому, что данный пленум ставил своей задачей известное подытоживание той политики, которую ЦК нашей партии вел за 2 года, прошедшие со времени XIV партс'езда. Учет опыта, который партия получила в этот период, проверка результатов той политической линии, которую наметил последний XIV партс'езд, должны были быть неизбежно первоочередными задачами работ только что закончившегося пленума. Это с одной стороны. С другой стороны, совершенно очевидно, что в результате этого учета опыта и в результате изменившегося положения в стране, из-

менившегося соотношения классов, пленум ЦК должен был наметить политическую линию на предстоящий период времени.

Вы все отлично знаете, что главнейшим вопросом нашей политики, и особенно за последнее время, был вопрос, который в конечном счете упирается в проблему отношений между городом и деревней. Ясно также, что в будущем этот вопрос — о соотношении между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством — будет играть громаднейшую роль, потому что в нашей стране с ее отсталым экономическим укладом преобразовательная работа рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии — заключается в переделке двух десятков миллионов индивидуальных крестьянских дворов. Эта задача может быть решена только на протяжении значительного промежутка времени, она укладывается не в рамки отдельных лет, а в рамки нескольких десятилетий. Вопрос о соотношении города и деревни, об отношениях между рабочим классом и крестьянством, вопрос об отношении нашей партии к различным слоям крестьянства, как вы помните, стоял в центре дискуссии, непосредственно предшествовавшей XIV партс'езду, а также и в центре обсуждения на самом XIV партс'езде, наконец, в центре поли-

тического внимания всей нашей партии и в последующий период.

Своеобразие хозяйственных форм и соотношений классов к XIV партс'езду.

Нам, товарищи, нужно прежде всего вспомнить, какова была два года тому назад общая обстановка в нашей стране, как по линии соотношений между различными хозяйственными формами, так и по линии соотношения между основными классами.

Мы подходили тогда только к концу восстановительного периода нашей промышленности. Командные высоты, ведущие начало общей экономики страны—наша социалистическая индустрия— и другие командные высоты подходили к довоенному уровню, но не подошли еще к нему целиком.

В области сельского хозяйства мы имели такое положение в стране, когда значительная часть земель была еще необработана, когда величина посевной площади отставала от довоенной нормы, и у нас образовался фонд пустующих земель.

Нужно отметить, что среди середняцкой массы, основной массы нашего крестьянства, не было еще уверенности в том, что при советской

власти можно твердым шагом итти в сторону улучшения своего индивидуального хозяйства; в то же время не было еще достаточного стимула, чтобы переходить на сторону хозяйства кооперированного. Вы все отлично помните, что это обстоятельство упиралось в остатки военно-коммунистических традиций в деревне, традиций времен продразверстки, оно упиралось в целый ряд затруднений, которые стояли на пути к тому, чтобы хозяйство крестьянина-середняка поднималось и шло, с точки зрения хозяйственной, вперед. У середняка-крестьянина не было уверенности в том, что его, поскольку он мало-мальски начнет подниматься кверху, не начнут «рассереднячивать» по примеру раскулачивания, и это сознание среди широких масс середняцкого крестьянства было одним из крупнейших тормозов хозяйственного под'ема в области нашей сельско-хозяйственной продукции.

С другой стороны, мы все отлично помним, что в то время у нас отсутствовали необходимая мера и необходимая степень революционной законности в деревне. Крестьянство должно было переходить и переходило к более ускоренному темпу в развитии своего производства, оно требовало более точных, твердых и упорядоченных форм ре-

волюционной законности. А у нас оставались ещё старые хвосты от предыдущего периода, когда налоговые ставки довольно произвольно менялись в течение года, когда не было твердой регламентации отношений, касающихся крестьянского хозяйства вообще, касающихся налоговых ставок, в частности. Крестьянство, более чем когда бы то ни было, было заинтересовано в том, чтобы заранее знать, сколько с него возьмут, за что возьмут, какие об'екты будут облагаться налогом, какие нет и т. д.

И, наконец, это было время, когда у нас остались «военно-коммунистические» хвосты по линии слишком большого нажима нашего административного аппарата, в деревне сильны были остатки методов принуждения, ставших, в известной мере, уже излишними на пороге нового хозяйственного периода.

Следовательно, первым фактом, характеризующим тогдашнее положение вещей, был под'ем нашей индустрии, не дошедшей, однако, еще до уровня довоенной нормы.

Вторым крупнейшим фактом были те черты в области отношения к нашему крестьянству, в первую очередь к его середняцкой массе, как по хозяйственной линии, так и по линии

политической, о которых я только что говорил.

И, наконец, в-третьих, тогда у нас было такое положение, что с точки зрения наших материальных ресурсов и некоторых организационных предпосылок мы не в состоянии были оказывать сколько бы то ни было существенную помощь деревенской бедноте, по сравнению с потребностями, имевшимися уже тогда.

Центр всех вопросов — в смычке с середняком.

И, вот, на фоне этой обстановки у нас складывалось такое положение, что среди основной середняцкой массы крестьянства мы могли с полной несомненностью констатировать довольно широкое недовольство, которое выражалось в целом ряде, иногда довольно острых, политических фактов. Вы помните, товарищи, ту полосу убийств селькоров, отчасти и рабкоров, шедших в деревню, полосу, которая была характерна для того времени. Вы помните и целый ряд политических убийств членов ВИК'ов и других работников деревни. Не подлежит никакому сомнению, что этот факт прямо и косвенно выражал собою то обстоятельство, что отдельные середняцкие слои шли за кула-

ком, политически шли за кулаком, подчинялись различным инспирациям и внушениям со стороны кулацких слоев. Кулаки диктовали свою волю известным слоям середняцкого крестьянства, которые были недовольны или роптали по поводу сложившегося положения.

Итоги выборов в сельсоветы давали нам два года тому назад такую картину, которая точно так же указывала на известный кризис в отношениях между рабочим классом и середняцким крестьянством. Нередки были случаи, когда основная масса середняков в отдельных районах шла на поводу у кулака, когда даже известные слои деревенской бедноты не были достаточно противопоставлены кулацкому влиянию, и шли иногда вместе с некоторыми середняцкими элементами на поводу у кулацких элементов деревни.

В то время среди середняцких слоев крестьянства в отдельных районах стала крепнуть идея самостоятельных «крестьянских союзов» в качестве политической партии крестьянства, противопоставлявшейся господствующей в нашей стране коммунистической партии революционного рабочего класса. И, наконец, несколько ранее этого был целый ряд волнений среди крестьянства, наиболее характерным среди которых было так назы-

ваемое восстание в Грузии. Все эти факты укладываются в одну формулу. Все эти факты в первую очередь выражали собою колебания середняцких масс крестьянства; они выражали собою известный кризис в соотношении между рабочим классом и крестьянством. Они знаменовали собой довольно значительную угрозу пролетарской диктатуре, ибо стало уже всеобщей и всеми разделяемой в нашей среде мыслью, что главное для нас, для партии рабочего класса, это — удержание блока, удержание союза между рабочим классом, идущим под руководством нашей партии, и середняцкой массой крестьянства, опираясь в первую очередь на наиболее близкие, наиболее родственные рабочему классу слои полу-пролетарских бедняцких крестьянских масс.

Итак, два года тому назад, ко времени XIV партийной конференции и XIV партийного с'езда, центральным вопросом был вопрос о необходимости укрепления союза с середняком.

Вот почему вопрос об отношениях между рабочим классом и крестьянством не мог не стать в центре общепартийного внимания. Вот почему основной политической линией,

основной политической установкой со стороны нашей партии не могла не быть линия и установка на ряд мероприятий, которые помогли бы укрепить эти отношения. Вот почему наша партия не могла не решать и не ставить того вопроса, который, повторяю, был вопросом *центральным*, — вопроса о соотношении между рабочим классом и крестьянином-середняком.

Оппозиция поскользнулась на вопросе о союзе с середняком.

Оппозиция, представленная в первую очередь, еще ранее, троцкистами, а потом так называемой «новой оппозицией», крупнейшим методом разрешения этого вопроса выставляла, с одной стороны, атаку на кулака, а, с другой стороны, так называемый метод «*сверх-индустриализации*», — так он был назван впоследствии в наших партийных дискуссиях и в партийной литературе. Этот метод «сверх-индустриализации», по сути дела, покоится на следующем, довольно примитивном, расчете: нужно достигнуть смычки с середняком; пожалуй, это и правда, но для того, чтобы достигнуть этой смычки, нужно сократить товарный голод; для того, чтобы сократить товарный голод, нужно го-

раздо более быстрым темпом расширять нашу индустрию, для этого нужно возможно больше взять с того же самого крестьянства. При таком положении вещей, когда соотношение между рабочим классом и крестьянством и без того было острым, лозунг — еще сильнее нажать на крестьянство — был в высокой степени непригодным. Поэтому партия отвергла этот метод решения вопроса (я не буду говорить о целом ряде вещей, которые из этого лозунга вытекали, потому что они были достаточно освещены в предыдущих наших дискуссиях перед XIV с'ездом), — партия отвергла этот метод решения вопроса и взяла другой курс. Этот курс был запечатлен с большой ясностью в резолюциях нашего XIV с'езда. Он состоял в следующем: 1) генеральная линия — индустриализации страны, т. е. развертывание нашей индустрии при возможно большей независимости от мирового рынка, но с возможно большим использованием этого мирового рынка; 2) расширение нашей промышленной базы, но таким путем, чтобы это расширение исключало налоговое переобложение крестьянства, чтобы оно предполагало не высокие цены, как предлагали уже тогда троцкистские оппозиционеры, а, наоборот, вело бы к по-

нижению цен; 3) наш партийный с'езд взял решительную линию на укрепление союза с середняком не только путем сравнительно более мягкой налоговой политики по отношению к середняцкой массе крестьянства и не только путем политики дешевых цен на продукты промышленного производства, но также путем ряда мер, направленных на развязывание товарности середняцкого хозяйства, целого ряда мер, направленных к тому, чтобы рассеять боязнь середника вести свое хозяйство вперед. Мы взяли твердый курс на ликвидацию различных военно-коммунистических «хвостиков», курс на устранение причин, мешавших вовлечению в хозяйственный оборот пустующих земель, т. е. не в смысле возрождения купли и продажи земли, — у нас, купли и продажи земель совсем не существует и не будет существовать, — а в том смысле, чтобы эти пустующие земли вошли в число земель обрабатываемых.

Из этого вытекал целый ряд мероприятий в области аренды, расширения сроков этой аренды и пр., установление ряда льгот, способствующих тому, чтобы крестьянство стало использовать пустующие земельные государственные фонды и т. д. и т. д. Таковы были хозяйственные меры, намеченные XIV

конференцией, подтвержденные XIV с'ездом.

В области политической наш партийный с'езд шел по двум главным линиям: во-первых, по линии установления революционного законодательства, необходимость которого диктовалась всем прогрессом народного хозяйства вообще и крестьянского хозяйства, в частности, и по линии оживления Советов, что было необходимо с точки зрения укрепления политического влияния нашей партии и рабочего класса на середняка, с точки зрения организации в деревне слоев, враждебных кулачеству. Одновременно наш партийный с'езд взял решительный курс на кооперацию. Вы все помните, какое огромное значение и какой огромный удельный вес среди других вопросов имел вопрос о кооперации в наших тогдашних партийных дискуссиях. Партийный с'езд наметил ряд мер по организации деревенской бедноты, по созданию условий для того, чтобы в деревне у нас был гораздо более прочный, гораздо более могучий рычаг, более организованный бедняцкий оплот. Таковы были решения XIV партс'езда, диктовавшиеся тогдашним положением вещей. Теперь, через два года, мы должны, в первую очередь, под-

вести некоторые основные итоги взятой нами на XIV партс'езде политической линии.

Партия укрепила союз рабочего класса с середняком.

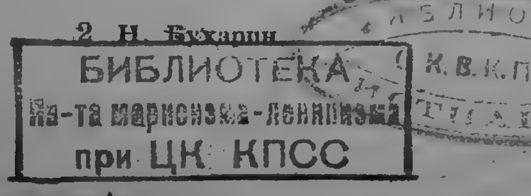
Нам неоднократно предрекали, что наша политическая линия провалится жалким и позорным образом. Нам предрекали, что при той политике, которую принял XIV партс'езд, хозяйство нашей страны будет в возрастающей степени регулировать кулак. Нам предрекали совершенно неслыханные хозяйственные затруднения, настолько интенсивные, настолько сильные, что они будут в состоянии чуть ли не опрокинуть диктатуру рабочего класса в нашей стране. И, если не ошибаюсь, в середине 1926 г., тов. Радек спрашивал, цитируя один из моих докладов, читанных как раз у вас в Ленинграде, спрашивал, что будет говорить Бухарин, когда через полгода вся партия увидит, куда политика Центрального Комитета завела всю страну. Прошли эти полгода, а ровно ничего не случилось, прошло еще почти полтора года, и мы видим, что дело у нас стоит совсем не так, как предрекала оппозиция. И именно потому, что все идет не так, как предрекала

оппозиция, именно поэтому она и обнаруживает такое истерическое бешенство по поводу не оправдавшихся своих собственных надежд.

Итак, мы должны попробовать подвести итоги нашей политике и той политической линии, которая была взята на XIV партс'езде. Мы видим, что никакого тупика не получилось. Мы должны поставить вопрос: решена или не решена в общем и целом центральная задача, которую поставил XIV партс'езд? Если мы спросим себя, решена ли в общем и целом основная проблема, проблема отношений между рабочим классом и середняцким крестьянством, улучшены ли отношения между рабочим классом и середняцкой группой крестьянства, смягчили ли мы ту остроту, которая была так характерна для времени, непосредственно предшествовавшего XIV парт-с'езду, добились ли мы чего-нибудь в этом отношении. Если мы поставим перед собой ряд этих вопросов, то мы можем и должны сказать, что в общем и целом этот вопрос мы решили удовлетворительно.

Совершенно естественно, что не может наша партия вместе с рабочим классом ту или другую проблему решить на все сто процентов. Такие случаи будут только совершенно исключительными. Но если мы сравним положение вещей в деревне, каким оно было два

года тому назад, и то, что мы имеем теперь, то теперь мы не видим массовых случаев убийств, не увидим массового недовольства, серьезных попыток к тем или другим волынкам, что было характерно для предыдущего времени. Мы видим теперь *политическое успокоение в деревне*, которое несомненно имеет под собой определенный хозяйственный и политический базис. Если сколько-нибудь добросовестный наблюдатель нашей общественной жизни, исходя не из злобных побочных соображений, а исходя из интересов дела, откинув все мелочное, второстепенное, откинув все фракционное, поставит перед собой этот вопрос, то разве хватит у него смелости отрицать тот факт, что мы имеем *коренное изменение отношений* между рабочим классом и крестьянством в лучшую сторону. Конечно, и сейчас в деревне *есть целый ряд недовольств*, и сейчас есть еще целый ряд шероховатостей, и сейчас есть еще целый ряд крупных недостатков, но в сравнении с тем, что было перед XIV партс'ездом, можно с чистой партийной совестью сказать, что основная крестьянская масса успокоилась. Отношения между основной крестьянской массой и рабочим классом улучшились, а поэтому рабочая диктатура в нашей стране упрочи-

лась, упрочилась на новой базе, на базе роста хозяйства, на базе хозяйственной смычки, которая еще имеет ряд прорех, где есть еще много трудных моментов. Но, в основном, задача, которая стояла так остро ко времени XIV с'езда, потеряла сейчас свою остроту. Это есть основная проверка линии XIV с'езда. Если бы мы в этом вопросе взяли другую линию, если бы мы не пошли на целый ряд уступок середняцким слоям крестьянства, если бы мы не провели целого ряда мероприятий в этом направлении, а взяли бы, как предлагала оппозиция, линию усиленного налогового обложения крестьянства, повели бы политику высоких цен, тогда мы таких результатов не достигли бы.

Нужно сказать, что эта задача — укрепления нашего союза с середняком, задача успокоения середняцких масс крестьянства, упрочения союза между рабочим классом и основной крестьянской массой — была решена не просто так, в безвоздушном пространстве, она была решена на базисе под'ема производительных сил всего народного хозяйства, на базисе растущей индустриализации страны, на базисе повышения удельного веса социалистического сектора нашего хозяй-

ства. Другими словами, задачу привлечения на нашу сторону середняцких слоев крестьянства мы решили не тем, что мы что-либо разбазарили, что мы уступили мелко-буржуазному индивидуальному товаропроизводителю, не тем, что мы поступились какими-нибудь основными интересами рабочего класса; мы ее решили в таких условиях, когда общее народное хозяйство и его производительные силы поднялись на несколько ступенек выше, когда индустриализация нашей страны подвинулась за эти два года вперед, когда, на базе роста сельского хозяйства и нашей промышленности, удельный вес нашего социалистического сектора, удельный вес командных высот, находящихся в руках пролетариата и рабочего класса, чрезвычайно повысился.

Итак, основной вопрос для нас был, есть и будет вопросом о соотношении основных классов в нашей стране — рабочего класса, крестьянства, частного капитала, т. е. буржуазии в городе и деревне, той буржуазной дроби, о которой говорил тов. Ленин. Совершенно естественно, что внутри этого вопроса основным с точки зрения классов, является вопрос об отношениях между рабочим классом и середняком-крестьянином, и именно здесь два года тому назад, на перевале к периоду быстрого хозяйственного восстановления, у нас

качнулось. Теперь кое-кто про это забыл, забыл о том, как обострились тогда отношения между рабочим классом и крестьянством, оппозиция об этом не желает вспоминать. А мы помним, какое паническое настроение было у теперешних оппозиционных «храбрецов», когда они непосредственно после грузинского восстания предлагали выпуск беспартийной газеты и т. д. Об этом нужно оппозиционерам сейчас напомнить. Именно здесь, в вопросе о середняке, на основе решений XIV с'езда мы одержали победу, вопреки оппозиции, сломав ее политическую линию, дав собственную политическую линию. И эта политическая линия за два года выдержала экзамен, выдержала испытание, получила определенную хозяйственно-политическую проверку. Мы можем с полной уверенностью сказать, что ход истории в нашей стране, передвижка классов, которая произошла, полностью подтвердили правильность той политики, которую определил наш XIV партийный с'езд.

Теперь относительно перспектив и относительно той стратегической классовой установки, которую наметил пленум ЦК и ЦКК.

Если задача, которую в основном ставил пе-

ред собою XIV партс'езд, нашей партией выполнена, то что это означает с точки зрения сочетания классов? Означает ли это, что сочетание классов в нашей стране осталось таким же, каким оно было два года тому назад, или нет? Конечно, оно стало другим. С точки зрения соотношения между крупнейшими общественными классами положение в нашей стране сейчас другое, чем было два года тому назад. Почему другое? Другое как раз потому, что наша политика возымела положительные результаты, потому что мы получили успокоение середняцких слоев крестьянства и упрочение блока между рабочим классом и крестьянством на новой хозяйственной базе, на базе громадного усиления хозяйственных позиций пролетарской диктатуры. Отсюда необходимо сделать вывод: если мы имеем новое соотношение хозяйственных сил, если мы имеем сейчас новое соотношение хозяйственных форм, то само собой разумеется, что перед нашей партией на ближайший период стоят несколько иные задачи. Основные задачи остаются те же самые, но наша тактика, конкретные мероприятия на ближайшее время должны определяться существенными и основными особенностями именно этого текущего момента, а вовсе не тем, что было два года назад.

Укрепление социализма — базис для дальнейшего нажима на капиталистические элементы.

Какие основные факты имеются здесь налицо? Основные факты следующие: 1) укрепление наших командных экономических высот; 2) рост регулирующего планового воздействия наших государственных органов; 3) рост нашей кооперации. С социально-классовой точки зрения — укрепление союза рабочего класса с середняком на основе падения роли капиталистических элементов. Кулак абсолютно вырос, но теперь положение его в корне отличается от того положения, которое он занимал 2 года тому назад, тем, что нам удалось гораздо в большей степени изолировать этого кулака, отвоевав из-под его влияния основную середняцкую массу крестьянства. И это есть как раз основа, базис, достаточное основание для того, чтобы теперь в другом сочетании сил, на основе укрепления нашего рабоче-крестьянского блока, мы имели гораздо больше возможностей ограничения эксплуататорских тенденций со сторо-

ны кулака. Вот почему, товарищи, достигнув той цели, которую поставил себе XIV партийный с'езд, — а его основная цель была успокоение среднего крестьянства и укрепление блока с ним, — достигнув этой цели, решив эту задачу, получив большое приращение хозяйственно-политических сил на стороне рабоче-крестьянского блока под руководством пролетариата, под руководством нашей партии, мы можем сейчас с большим успехом, на этой новой основе, начинать наступление на капиталистические элементы города и деревни.

В противоположность тем товарищам, которые полагают, что сейчас, когда укреплены экономические командные высоты и консолидировался пролетариат, — мы имеем «термидор», а в 1918 — 19 г. мы имели, было, мол, идеальное состояние, никакого «термидора» не было, для того, чтобы показать им меру наших успехов, я хотел бы прочесть одно место из знаменитой брошюры тов. Ленина, «О продналоге», место, которое бросает очень яркие лучи на наше теперешнее положение. Вот, что писал, исходя из потребностей тогдашнего момента, Владимир Ильич. Он писал:

«...— все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить

оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало.

Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частно-хозяйственный капитализм в роли пособника социализма? Но это не парадокс, а неоспоримый факт». XVIII т., ч. I, стр. 225 (курсив наш, Н. Б.).

Что хотел этим сказать тов. Ленин в 1921 году? Он хотел сказать, что мы так обнищали, мы так разорены, мы в такой мере лишены всего элементарно-необходимого, что пусть хоть частно-капиталистический «чорт» развивает свою инициативу, пусть он способствует получению большего количества продуктов, мы на это должны итти. И директива хозяйственной политики, данная тов. Ле-

ниным, гласила: кто достигнет в этой области, т. е. в деле увеличения продукции наибольших результатов, хотя бы «путем частно-хозяйственного капитализма», хотя бы даже «без кооперации», а на базе частно-хозяйственного капитализма, тот сделает для всероссийского социалистического строительства гораздо больше, чем те, которые будут думать о чистоте коммунизма, а не способствовать росту товарооборота. Вот как обстояло дело тогда, в 1921 г.!

Разве можно сравнить то, что выражено в этих словах тов. Ленина, то, что было тогда, с тем, что есть сейчас, когда мы частно-капиталистические элементы загнали в некоторых хозяйственных отраслях «в лузу», когда наша кооперация, вместе с госторговлей, совершенно вытеснила в области товарооборота частный капитал из целого ряда отраслей, когда частный капитал бросился, спасая свою собственную шкуру, в кустарные промысла, в ремесло и домашнюю промышленность и когда мы готовимся вытеснить его и из этих последних позиций, куда он бежал под давлением государственного и кооперативного кулака.

Так было дело тогда, при Владимире Ильиче, в 21-м году, в период перехода к но-

вой экономической политике, когда у нас в социалистическом секторе, в нашей государственной индустрии почти ничего не было, были пустые заводы. В силу этого дана была главная директива: увеличить количество продуктов, не взирая на то, кто его увеличивает. Мы были вынуждены тогда итти на всемерное развязывание частного капитала: пускай хоть он помогает производить продукты, — разумеется, не на веки вечные, а на тот период, для того времени, когда мы обнищали до зарезу, когда у нас было мало организационных сил, когда нам нужно было во что бы то ни стало увеличить количество продуктов и усилить товарооборот, чтобы не умереть с голоду, и, хотя бы немножечко подкормившись, можно было думать начать наступление на этого частника, которого мы самого призывали.

А разве таково было положение ко времени XIV с'езда? Накануне XIV с'езда положение было совсем другое. Мы подходили уже к концу восстановительного периода нашей промышленности. Мы уже не могли тогда говорить так, как правильно говорил тов. Ленин в 21-м году, мы уже не могли дать такого лозунга: все равно — кто, пускай хоть капиталисты, пускай, хотя бы без кооперации, лишь бы производили новое добавочное

количество продуктов! Такой директивы мы уже не могли дать. Почему? Потому, что мы стали гораздо сильнее. Тот, кто к XIV с'езду стал бы давать такую директиву, которая была совершенно справедлива в 21-м году, тот обнаружил бы, что он не ведет социалистической политики. Эта директива была тогда совершенно правильной с точки зрения ужасающей нищеты, ужасающей разрухи, которая была в нашей стране; но она перестала быть правильной, стала неправильной, анти-коммунистической, в условиях, когда у нас уже были возросшие командные высоты, когда наша индустрия поднялась, стала на ноги. Тот, кто попугайски повторял бы эту старую формулу 21 года во всей чистоте и неприкосновенности, никаких заветов Ильича не выполнял бы, а оправдывал бы известное изречение тов. Ленина, резким образом клеймившего такие попугайские повторения тех же формул, без всякого анализа конкретной исторической, хозяйственной и политической действительности.

Так вот: к XIV партийному с'езду у нас был уже конец восстановительного периода, наша индустрия, наша промышленность начала уже вести за собой народное хозяйство; частный капитал в промышленности стал играть совершенно второстепенную

роль; но, с другой стороны, у нас был значительный процент *пустующих земель в сельском хозяйстве*, у нас были трения с середняком, у нас было кризисное состояние между рабочим классом и середняком, который является, по выражению Вл. Ильича, «центральной фигурой нашего земледелия».

Наши успехи — результат правильного маневрирования партии.

Таково было положение к XIV партийному с'езду, а теперь? А теперешнее положение, через два года после XIV партийного с'езда, характеризуется тем, что наша промышленность и наши командующие экономические высоты *ведут за собой все народное хозяйство*. Факт это или не факт? Это есть факт. В *торговом обращении* мы за эти два года сделали целый ряд чрезвычайно *больших успехов*. Например, в области хлебозаготовок кооперация и госторговля фактически стали *монопольными торговцами*. Хлебная монополия была отменена с введением нэпа. А теперь, на базе роста наших хозяйственных организаций, на основе соревнования их с частником, мы вытеснили частный капитал

из области хлебозаготовок, мы, так сказать, с другого конца, на новой базе подошли к государственной монополии в области хлебозаготовок. Госторговля и кооперация теперь почти монопольны в этой области, и в ряду других отраслей нашего товарооборота. По целому ряду важнейших и крупнейших отраслей нашего товарооборота госторговля и кооперация представляют собой почти монопольную величину на рынке, настолько выросли и укрепились наши позиции в области товарооборота.

И, наконец, с точки зрения социально-классовой — мы укрепили союз с середняком.

Следовательно, у нас по сравнению с временем XIV партийного с'езда есть три главных характерных особенности: 1) экономически-командующая, решающая и ведущая роль нашей социалистической индустрии стала фактом неоспоримым; этого никто оспорить не может, потому что он расшибет себе лоб, хотя бы этот лоб был чрезвычайно медным (смех) — о стальную гряду фактов, которые говорят, что наша индустрия ведет все народное хозяйство; 2) в области товарооборота мы достигли решающего влияния, а в некоторых местах — монопольного положения и 3) с точки зрения социально-классовой,

в общем и целом, середняк сейчас идет с пролетариатом. Это три основных фактора, связанных друг с другом и изменяющих положение по сравнению с тем, что мы имели ко времени XIV партийного с'езда очень значительно изменяют общее положение вещей в стране. А раз изменяется положение вещей в стране и изменяется в нашу пользу, то было бы просто глупо, если бы мы сейчас говорили то же самое, точь в точь и «тик в тик» то, что мы говорили на XIV партийном с'езде. Некоторые из оппозиционеров говорят сейчас: «да, но вы теперь говорите не совсем то, что вы говорили на XIV с'езде» — и думают, что это «убийственный» аргумент, и думают, что как раз в этом и заключается то, что мы ведем «неправильную», «зигзагообразную» политику. Это неправильно с их точки зрения, а с точки зрения анализа конкретных фактов и конкретного экономического и политического положения в стране иначе и быть не может: сделав очень крупные завоевания при помощи мероприятий, намеченных на XIV партийном с'езде, мы теперь маршируем вперед на основе этих завоеваний, а если бы у нас их не было, то мы тогда провалились бы в пропасть, из которой нас нужно было бы вытаскивать за наши длинные уши. Но, к счастью,

они оказались у нас не настолько длинными, как это предполагали некоторые из наших противников. (Смех).

Троцкизм никогда не умел учитывать своеобразия политической обстановки.

Глупо всегда и на каждом повороте говорить одно и то же. Кто сейчас повторил бы ленинскую формулу, в качестве практической директивы нашей партии, кто сейчас сказал бы, что наша задача — всемерное увеличение продуктов, не смотря на то, кто их увеличивает, хотя бы без кооперации, хотя бы на основе частного капитала, кто бы решился повторить такую штуку? Никто не решился бы на это. Пожалуй, нашлись бы отдельные «умники», которые заявили бы — да это ведь отступление от ленинизма — Ленин писал не так! (Смех). Но ведь на то они и «умники». У Ленина нет готовых рецептов на всякий случай жизни. И всякий, кто хочет рассматривать учение Ленина, как собрание готовых рецептов, тот подходит к ленинизму с точки зрения плохо образованного аптекаря. Правильное применение ленинского учения состоит в точном и конкретном анализе существующей действительности. Пользуясь ленинизмом, как политическим инструментом,

пользуясь обще-марксистской теорией, мы должны в каждый данный момент вникать и обнаруживать сочетание общественных сил, конкретных для каждого данного периода, особо характерных для него, и на этом строить уже свою линию, исходя из нашей общей линии, линии на укрепление пролетарской диктатуры, на развитие социализма, на рост социальных элементов нашего хозяйства, на коммунизм.

Таким образом, анализ конкретной обстановки нам необходим. Этот анализ показывает, что ко времени XIV партс'езда все упиралось в вопрос о смычке с середняком, как в главную задачу, разрешение которой, разумеется, не противопоставляется, а прямо предполагает у к р е п л е н и е н а ш е й о п о р ы н а б е д н о т у. Этот анализ показывает нам, что в итоге двух истекших годов на основе решений XIV партс'езда основные задачи, поставленные с'ездом, решены. Этот анализ показывает, что именно на основании того, что эти задачи в общем и целом были решены, у нас в настоящее время имеется другое сочетание общественных сил, другие классовые соотношения, что гораздо более могучие хозяйственно-политические позиции находятся в руках пролетарской диктатуры. И, наконец, этот анализ приводит нас к тому,

что на основании этого нового положения мы должны теперь, получив приращение сил, укрепив свой союз с середняком, взяв этого середняка под руку, мы должны, мы можем, мы имеем полную возможность сомкнутым фронтом, вместе с середняком, успешно начать более солидный нажим на нашего основного противника в деревне — на кулака. Вот эта другая расстановка сил позволяет нам, вменяет нам в обязанность, в целях переделки крестьянского хозяйства и вытеснения капиталистических элементов, начать то, что я в своем докладе на с'езде московских профсоюзов назвал форсированным наступлением на капиталистические элементы, на кулацкие элементы в деревне, в первую очередь.

Вот, товарищи, та стратегическая установка, которая покоится на изменившемся соотношении сил.

В заключение я хотел бы отвести одно возражение, которое пущено в ход нашими оппозиционными «друзьями» (смех). Они, например, берут намеченное нами освобождение добавочных 10% крестьян от сельхозналога или намеченное нами усиленное наступление на кулака и говорят: — но вы ведь по сути-то дела «стибрили» нашу платформу (смех). Хо-

тя и недостаточно, не на все 100%, но вы все-таки подвинулись, мол, к тому, что «мы говорили» ко времени XIV с'езда нашей партии, Значит (делают они вывод), ваша политическая линия «потерпела жалкое банкротство». Значит мы, оппозиционеры, были правы. Вы нас «обворовали», а потому уступите ваше «место» другому партийному руководству (они все рассматривают с точки зрения «дальнего прицела») (смех). Такого рода ход аргументов чрезвычайно характерен для всей троцкистской оппозиции. Так троцкизм рассуждает по отношению и ко всему ленинизму вообще. Ведь Троцкий так ставил вопрос,— кто первый сказал «б» о пролетарской революции в России? Я, Троцкий, сказал это раньше, чем Ленин! Кто первый сказал — без царя, а правительство рабочее? Я, Троцкий! Значит, в 1917 г. ленинизм «перевооружился», как он изволил выражаться, Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот.

Это, товарищи, старая аргументация. В политике дело заключается не в том, сказать «а» или «б» или какой-нибудь другой звук. Дело заключается в том, чтобы кроме азбуки, кроме общей генеральной линии, общего курса, который ясен вам, который необходимо взять, нужно знать, когда сказать «а», а когда «б». Нужно сказать «а» — тогда, когда это

нужно. А вот, если это переставить и сказать «а» тогда, когда нужно сказать «б», или сказать «б» тогда, когда нужно сказать «а», то никакого ленинизма из этого не получится (смех). Вот если бы то, что мы говорим сейчас, мы сказали, не решив предварительно вопроса об успокоении середняцких масс, то это значило бы сказать «б» тогда, когда нужно сказать «а». Или если бы, например, сказать сейчас то, что говорил Ленин в 1921 г., значит, сказать «а» тогда, когда теперь уже нужно говорить «б», а может быть и «в» и «г». В этом вся «соль». В этом основная ошибка троцкизма, которая повторялась у него уже неоднократно и которая заключается в том, что Троцкий не во время давал лозунги. И когда нам сейчас говорят о том, что наконец-то вы увидели кулака, мы говорим — уважаемые дяденьки, в том-то и дело, в том-то и ваша смертная беда, что вы не понимаете, когда что нужно говорить, вы не видите основного звена, за которое надо ухватиться. Основным звеном два года тому назад, ко времени XIV с'езда был вопрос об успокоении середняка. Не сделай мы того, что сделали мы на XIV партийном с'езде, нам бы, как своих ушей, не видать того, что мы теперь имеем. Мы должны были предварительно решить основную, громадной важ-

ности, задачу, без чего мы провалились бы «в тартарары». Приняв политику, которая предлагалась тогда троцкизмом и так называемым «Нопом», мы может быть от НЭПа перешли к Нео-нэпу.

Теперь я более конкретно перейду к тем двум важнейшим вопросам, которые стояли на пленуме. Сперва я изложу те положительные решения, которые приняты пленумом, не касаясь нашей оппозиции, а под конец, на «третье блюдо» (смех), разрешите мне поставить эти вопросы в связи с оппозицией.

Товарищи, я докладывал вам, что анализ теперешнего хозяйственного и политического соотношения и классовых сил нашей страны указывает на наш рост.

О ДИРЕКТИВАХ К 5-ЛЕТНЕМУ ПЛАНУ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Наш рост находит свое выражение в самой постановке вопроса о выработке пятилетнего плана нашего народного хозяйства. В самом деле, если бы у нас дело шло вниз, если бы не росли материально предпосылки нашего планового хозяйства — а рост материальных предпосылок есть не что иное, как

рост социалистически обобществленных элементов нашей страны, — то естественно, что ни одному из нас и вообще ни одному из не сошедших с ума людей не взбрело бы в голову, приступить к решению таких проблем, как составление народно-хозяйственного плана на 5 лет вперед. Самая постановка вопроса о пятилетнем плане нашего народного хозяйства выражает собою наш рост, факт этого роста. Если бы мы с этой точки зрения посмотрели на то, что мы имели раньше, посмотрели бы на то, как мы осторожно подбирались к годовым планам, подползали «на четвереньках» к тому, чтобы представить хотя бы примерную, хотя бы ориентировочную линию для нашего г о д о в о г о плана, а не пятилетнего плана, то нужно признать, что мы сделали огромный шаг вперед в области нашего планового хозяйства.

На последнем пленуме ЦК нашей партии и на Политбюро, обсуждавшем этот вопрос, до внесения на пленум ЦК тезисов о пятилетнем плане, мы с полной откровенностью и ясностью поставили вопрос, что мы можем пока дать только директивы к пятилетнему плану, а не самый пятилетний план. С известной точки зрения нужно признать, что это недостаток: конечно, было бы гораздо лучше, если бы вместо директив к пятилетнему плану мы

могли бы дать с'езду более или менее точный пятилетний план нашего народного хозяйства. Но тут был ряд особых трудностей, дополнительных трудностей, которые заставили сперва Политбюро, а потом пленум ЦК отказаться от того, чтобы представлять на партийный с'езд точное цифровое выражение нашего народно-хозяйственного плана на 5 лет вперед. Этим мы, кроме обыкновенных соображений о необходимости более осторожного обращения с цифрами, имели в виду два обстоятельства: одно очень крупное, другое — тоже довольно значительное, хотя и не такого размаха.

Военная опасность, возможность неурожая и наше планирование.

Первое обстоятельство — наше международное положение. Сейчас в кругах всей партийной массы, в массе рабочего класса стало всеобщим достоянием сознание крайней остроты нашего международного положения. На предыдущем пленуме ЦК по этому поводу была вынесена соответствующая резолюция.

Мы все глубоко убеждены, что стоим перед крупными событиями в области международной жизни, хотя и не знаем сроков, в пределах которых эти события могут разыграться.

Но 5 лет это срок довольно достаточный. В течение пяти лет всякие осложнения международного положения очень вероятны. Если война против нас и интервенция в пределы нашей страны, на протяжении пятилетнего срока, очень вероятны, то совершенно естественно, что такого рода события неизбежно и очень здорово видоизменили бы весь наш хозяйственный план. Нам обязательно нужно будет в той или иной мере перенести центр тяжести в нашу военную промышленность; нам необходимо будет исходить из гораздо более крупных бюджетных ассигнований отраслям нашего хозяйства — и не только хозяйства — способствующим делу повышения обороноспособности нашей страны. Нам необходимо предпринимать целый ряд мер по образованию всевозможных резервов: натуральных, товарных, валютных, которые обеспечили бы нам, на случай военных событий, возможность хозяйственно-политического маневрирования. Поэтому совершенно понятно, что пятилетний план, который мы теперь должны принимать в обстановке, насыщенной грозой, что этот пятилетний план, если бы мы его цифровым образом закрепили и если бы мы закрепили каждую цифру решением партийного с'езда, то мы заранее связали бы себе руки в обстановке в условиях, когда мы

должны держать свои руки гораздо более развязанными в этом отношении.

Второе обстоятельство, это — известное опасение за состояние наших урожаев в ближайшие годы. Дело в том, что у нас несколько лет подряд были урожайные годы. Предсказание урожайности и не-урожайности у нас еще не настолько развито, вернее, совсем не развито, чтобы мы могли хотя бы с какой-нибудь, хотя бы с чрезвычайной приблизительной точностью заранее предсказать высоту или степень урожая. Опыт предшествующих лет за несколько десятилетий показывает, что через некоторое, сравнительно незначительное, количество урожайных лет следуют неурожайные годы. Есть вероятность, что за рядом урожайных лет, которые мы уже имели, могут наступить в ближайшие годы неурожайные годы. Может быть этого не будет, никакой прочной закономерности здесь нет. Но нам нужна известная страховка, как вы легко поймете, нам нужна известная страховка на случай повторения неурожаев, недородов и проч. Вот почему, и с этой точки зрения, нам необходимо иметь в виду приблизительность нашего пятилетнего плана. Нам необходимо иметь в виду те поправки, которые могут быть внесены жизнью, поправки в худшую сторону, о которых я сей-

час только что говорил. И поэтому Центральный Комитет партии решил остановиться на том, чтобы предложить 15-му партийному с'езду лишь некоторые общие директивы по составлению пятилетнего плана нашего народного хозяйства, а не самый этот план, т. е. изложить те основные линии, те основные мысли, те основные директивы, по которым должен быть построен пятилетний план нашего народного хозяйства. Работы по составлению этого пятилетнего плана еще не закончены. Они идут в соответствующих органах, в первую очередь, в Госплане.

Одна пятилетка была выработана, она теперь исправляется, в согласии с теми директивами, которые приняты. Ко времени партийного с'езда мы, вероятно, будем иметь, параллельно тем директивам, которые ЦК принял, соответствующий подобранный цифровой материал, который, однако, не связывает Центральный Комитет и не будет связывать партийный с'езд, но который позволит каждому из членов партийного с'езда и всей партии примерно ориентироваться в тех основных итогах и основных предположениях, которые имеются у соответствующих хозяйственных органов.

Вот под углом зрения такой осторожности в составлении пятилетнего плана составлялись

и те директивы, которые приняты пленумом ЦК как тезисы для партийного с'езда. Все они построены под углом зрения преодоления некоторых основных трудностей нашего хозяйства, тех трудностей, которые уже имеются, и тех, которые еще будут. Причем здесь нельзя было обойти и ряда таких вопросов крупнейшего принципиального значения в области хозяйственной политики, которые разделяют огромное большинство партии от оппозиционных внутрипартийных противников.

Мировое хозяйство и советская экономика.

Прежде всего нужна была определенная установка в вопросе о соотношении между нашим хозяйством и хозяйством мировым. Этот вопрос, вы знаете, ставился у нас иногда под самыми различными углами зрения. Ну, например, когда оппозиционные товарищи упрекали нас в «национальной ограниченности», они разумели не только политику Коминтерна, но и нашу хозяйственную политику. Они видели и видят до сей поры нашу «национальную ограниченность» в том, что мы выдвигаем лозунг: возможно больше хозяйственной самостоятельности по отношению к

капиталистическому миру. В этом они тоже видят признак нашей «национальной ограниченности». Между тем, сами они выставляют лозунг: наиболее широкие связи с заграницей. Тут нужно было уже выбирать, какую директиву должны мы дать нашим хозяйственным органам в этом вопросе при составлении пятилетнего плана. Что здесь нужно считать правильным? Этот вопрос, товарищи, мы решали в связи с той линией, которую занимаем все время. В самом деле, можем мы принять лозунг, в особенности ортодоксального крыла нашей оппозиции троцкистов, лозунг максимальных связей с заграницей, и больше ничего? Мы считаем, что принять его нельзя, мы считаем, что такой лозунг пагубен и по очень простой причине. По той же причине, по какой мы не можем внутри нашей страны дать голого лозунга развития производительных сил и больше ничего, а должны говорить: развитие производительных сил, но такое, которое усиливало бы рост нашего социалистического сектора. Представьте себе, например, что мы сняли все решительно загородки и барьеры по отношению к загранице, представьте, что мы получили огромные капиталистические займы на парочку десятков миллиардов, продав наше пролетарское первородство, сдав,

скажем, крупному американскому капиталу в кабалу наши фабрики и заводы и прочее. Быть может, в ближайшие два-три года они начали бы развивать производительные силы быстрее нас, это не исключено. Но мы так смотреть не можем, мы не для того проделали революцию. Мы стоим за такое развитие производительных сил в нашей стране, которое *все время усиливало бы социалистический сектор* нашего хозяйства и било бы хозяйство противника.

Так мы говорим по отношению к хозяйству внутри нашей страны. А по отношению к загранице? Разве мы можем сказать, как говорят оппозиционные товарищи — «максимум широких хозяйственных связей»? Если считать воплощением «интернационализма» максимум широких хозяйственных связей с заграницей, а некоторую узду в этом отношении считать «национальной ограниченностью», то получается вообще следующее. Если кто желает «максимум хозяйственных связей с заграницей» — тот должен в первую очередь уничтожить монополию внешней торговли — это же ясно, «как апельсин»! Монополия внешней торговли есть барьер. Смысл этого барьера — ограждать нас от слишком широких связей с заграницей, потому что

если бы мы сняли этот барьер, на нас хлынули бы более дешевые американские товары. Это были бы «более широкие связи с заграницей»... А нашей социалистической промышленности от этого поздоровилось бы? Нет, потому что ее стукнула бы более высокая американская промышленность, с которой нам пока еще нельзя состязаться в открытую. Мы должны сохранять монополию внешней торговли. Мы растим и строим свою промышленность, которая пока еще не стоит на базе самой высокой техники в мире. В одном своем докладе я говорил, что если бы мы победили в Америке, то нам и монополия внешней торговли не была бы, по всей вероятности, нужна, потому что мы производили бы дешевле всех. В СССР монополия внешней торговли нужна, как защита от врагов, для того, чтобы, — хотя мы еще более нищи, чем наши капиталистические противники, — мы могли бы как муравьи со всех сторон собирать и строить. Монополия внешней торговли это есть наша защита, и все решительно, кроме некоторых белых ворон, стоят за то, чтобы она существовала. Монополия внешней торговли целиком опрокидывает эту концепцию, этот лозунг, — «наиболее широкие связи с заграницей». Вздор! Так нельзя

формулировать, и это вовсе не есть «национальная ограниченность» с нашей стороны, когда мы говорим, что мы хотим строить, не впадая в излишние крайности, не выставляя лозунга «самые широкие связи с заграницей». Нам говорят, что это «национальная ограниченность». Вот если бы вокруг нас было не капиталистическое окружение, а социалистическое, тогда, разумеется, мы бы никакой монополии внешней торговли по отношению к социалистическому окружению не имели бы, мы сломали бы государственные границы ко всем чертям и об'единились бы вместе с иностранными пролетарскими странами. Этим мы доказали бы свой интернационализм.

Следовательно, по вопросу относительно наших хозяйственных связей с заграницей мы не можем стоять на точке зрения голого лозунга — расширения хозяйственных связей — и больше ничего. Мы можем стоять на такой точке зрения: расширяй хозяйственные связи в тех пределах, в тех рамках, в такой мере, в какой ты на основе такой политики можешь становиться все более хозяйственно, политически и военно независимым от иностранных капиталистических стран.

Если бы у нас было социалистическое окружение, то на кой шут нам была бы эта независимость, она нам совсем не нужна была бы. Но, извините, если у нас капиталистическое окружение, то нам независимость нужна, потому что мы находимся в противоречии с империалистическими государствами, потому что должны все больше на свои ноги становиться. Вздор, что это есть национальная ограниченность, так как такая линия необходима только потому, что в других странах нет еще социализма, а у нас он уже растет, поэтому он ограничен. Ограниченность наша вытекает из того, что сейчас еще ограничена победа рабочего класса, вот, что такое — пресловутая наша «хозяйственная ограниченность». Совершенно понятно, что было бы вздором проповедывать другую крайность, то-есть говорить, что мы не должны ничего за границей покупать. Это было бы глупостью. Но когда и кто это проповедывал? Конечно, мы должны маневрировать, сноситься с нашими врагами, должны покупать за границей. А граница этого? Граница этого в том, чтобы не подрывать нашего хозяйства. Словом, мы должны сделать все, чтобы расти, становиться более крепко на свои ноги. Так мы решили вопрос относительно нашей связи с заграницей.

Вопрос о противоречиях между городом и деревней.

К вопросу о противоречии между городом и деревней, то-есть к главнейшему вопросу о нашей хозяйственной политике, я хочу отметить следующее. Каждая цифра в пятилетнем плане предполагает определенное распределение рессурсов; и вопрос о ценах и об ассигнованиях на те или другие отрасли, и финансирование сельского хозяйства, и финансирование промышленности, и распределение вложений между тяжелой и легкой индустрией, — все это определяется некоторой общей установкой нашей хозяйственной политики. И здесь мы должны были дать целый ряд директив, исходя из тех трудностей, величайших трудностей, которые имеют своей базой противоречия между городом и деревней (ножницы, диспропорция между промышленной промышленностью и сельско-хозяйственной и т. д.). В этой области мы должны были дать совершенно определенные директивы, связанные с общими нашими хозяйственно-политическими взглядами. Мы должны были отвергнуть политику высоких цен, мы должны были отвергнуть политику переобложения середняцкой части крестьянства,

мы должны были принять такого рода директивы к плану, которые исходили бы из нашего основного метода решения хозяйственных вопросов. Прежде всего, мы наметили линию на дальнейшее снижение себестоимости, на рационализацию нашей индустрии, на привлечение мелких сбережений, путем всевозможных займов, путем сберегательных касс и проч. Рационализация, реорганизация нашей промышленности, более дешевые цены, это и есть тот путь, который даст нам возможность в ближайшие пять лет несколько ослабить противоречия между городом и деревней.

Крупнейшим и мучительнейшим вопросом у нас является вопрос о б е з р а б о т и ц е. Но и вопрос о безработице нужно точно так же решать не односторонне, как к этому имеется тенденция среди некоторых наших партийных кругов: расширение промышленности, и больше ничего. Не этим нужно решать вопрос и бороться с этой главнейшей трудностью. То расширение промышленности, которое нужно и возможно, не может удовлетворить той массы безработных, которая у нас есть и которая будет. Мы эту проблему должны решать с двух концов. Это точно так же должно лежать, в качестве краеугольного камня, в директивах по построению пяти-

летки: с одной стороны, расширение промышленности, с другой — рационализация этой промышленности на основании укороченного рабочего дня (с чем товарищи из оппозиции не согласились) и увеличения количества смен, а с третьей стороны — линия, которую мы определяем, как линию на рост трудоемких хозяйств в деревне, линию на индустриализацию самого сельского хозяйства. Товарищи, у нас еще чрезвычайно варварская, примитивная обработка земли, у нас имеется целый ряд районов, которые не могут итти под зерновое хозяйство и которые по самой своей природе не могут воспользоваться такими вещами, как трактор и другие крупные сложные сельско-хозяйственные машины. У нас есть целый ряд отраслей сельского хозяйства, которые имеют тенденцию развиваться в более трудоемкие и интенсивные хозяйства: садоводство, огородничество, животноводство и т. д. Здесь у нас есть еще целое море работы. Путем поощрения этих трудоемких хозяйств, мы можем способствовать тому, что, так называемое, аграрное перенаселение, которое есть в деревне и в результате которого у нас в городах увеличивается безработица, уменьшится.

Тяжелая и легкая индустрия.

Целый ряд вопросов и по другим отраслям, как, например, вопрос о распределении вложений между тяжелой индустрией и легкой промышленностью, также по разному решается нами и сторонниками оппозиции. Мы считаем, что та формула, которая говорит — максимум вложений в тяжелую индустрию,— является не совсем правильной или, вернее, совсем неправильной. Если мы должны иметь центр тяжести в развитии тяжелой индустрии, то мы должны это развитие тяжелой индустрии сочетать все-таки и с соответствующим развертыванием легкой индустрии, более быстро оборачиваемой, более быстро реализируемой, возвращающей скорее те суммы, которые на нее были затрачены. Мы должны, повторяю, делать так, чтобы получить наиболее благоприятное сочетание.

То же самое относительно нового строительства. Мы должны были признать, опыт уже говорит об этом, что мы, пожалуй, сделали ошибку в деле капитальных затрат. Мы пошли очень разбросанным фронтом, стали сразу давать на многочисленные пункты нового строительства громадные суммы, которые только через долгий промежуток времени

дадут более или менее солидные результаты, т. е. когда новые фабрики заработают и продукция будет реализоваться и т. д. Было бы лучше на меньшем фронте сосредоточить те же самые суммы денег для того, чтобы в более короткий срок начать получать результаты, реализовать продукцию и т. д. Повторяю, здесь масса сложнейших задач и вопросов. Мы должны исходить из соображений целесообразности, учитывая все факторы. Нельзя давать голую формулу — только на тяжелую индустрию, или — максимум вложений в тяжелую индустрию, а надо умело сочетать все моменты, определяющие реальный поступательный ход нашего хозяйства.

Проблема социалистической рационализации и переход на 7-часовой рабочий день.

И в области индустрии, отчасти в области сельского хозяйства, мы должны со всей энергией выдвинуть сейчас проблему рационализации. Мы полагаем, что всякие послабления хвостистским настроениям среди рабочих — такого типа, что мы, мол, как-нибудь «по-старинке» проживем, что у нас масса трудностей на новом пути — абсолютно недопустимы.

Несомненно, что рационализация несет с со-

бою громаднейшие трудности решительно по всем линиям, но не переходя к более высокой технике, к большему применению научных сил, к более правильному разделению труда, к применению более квалифицированной силы, т. е. к большей культуре самого рабочего класса, нам нельзя догнать и перегнать капиталистические страны. Поэтому совершенно ясно, что переход на рационализаторскую систему, переход к более улучшенным методам нашей индустрии — я скажу в открытую — он предполагает более интенсивный труд. Чепуху разводят некоторые оппозиционные товарищи, говоря: да, высокая техника хороша, но этого нельзя сопровождать требованием более интенсивного труда, нужна только большая производительность труда. Так никогда не бывает и не может быть. Конечно, производительность труда — это не то, что интенсивность труда. Интенсивность труда означает большую затрату энергии в единицу времени, скажем, если рабочий в один час тратит энергии в полтора раза больше, чем прежде, то это означает увеличение интенсивности труда. Если же он в один и тот же час тратит столько же энергии, но производит больше продуктов, т. е. напряженность труда такая же, но вследствие технических улучшений (новых машин и т. д.),

то это означает увеличение производительности труда. Но бывает ли в жизни так, что одно от другого отделимо? Нет. Всякая новая система требует большего внимания. Конвейер требует большего внимания и большей интенсивности. Реально всегда бывает так, что с развитием техники труд становится более интенсивным. Но новая техника создает еще один момент, который не нужно забывать, который облегчает дело, а именно, сама рабочая сила поднимается на высшую ступень, ей легче производить более напряженный труд. Это отлично знает всякий рабочий по своему опыту, при переходе завода на новую систему труда, знает он и, например, когда начинал впервые заниматься общественной работой. Каждый знает, как от непривычной работы, от необходимости думать быстро, рабочие от станка, переходящие на общественную работу быстро устают. А потом они привыкают, приучаются к этой новой работе. Следовательно, труд на этом поприще становится более активным, рабочие к нему привыкают и развивают в себе большую выдержку, перерабатывают сами себя. Рабочая сила становится другой. Если вы попробуете отсталого рабочего в нашей стране заставить работать на американском заводе, то вначале он не в состоянии работать так,

как работает американец. Почему? Потому что ему нужно привыкнуть, потому что у рабочего в Америке трудовая культура другая. Этот большой процесс — перевоспитание рабочей силы, поднятие ее на высшую ступень, это и есть то, что я называю: трудовая культура. Трудовая культура повышается, изменяется рабочая сила, изменяется человек.

Я приведу вам такой пример из совсем другой области: кто-нибудь учится играть на каком-нибудь инструменте, скажем, на рояле; он сначала должен смотреть, куда, в какую клавишу тычется палец, он должен косить глаза на ноты и на пальцы, чтобы разобрать, как различные значки должны отражаться на движении его пальцев. Это стоит большого труда, а когда он научится играть, то ставит пальцы уже механически. Или возьмем такой пример: когда человек учится читать, он читает б+а=ба, з+а=за, — база, или б+у=бу, з+а=за, — буза (смех). Когда дети учатся читать, они тратят много сил, от них требуется большое напряжение, чтобы сложить букву с буквой, разобрать, складывать, а потом они могут читать без того, чтобы тратить на это труд. Это вошло уже в привычку. А если особенно ловко «насобачиться» на чтении — это я знаю по самому себе — то получается такая вещь, которая в науке имеет особое название

«партитурное чтение». Видишь целую страницу, целую страницу не читаешь, бегло просматриваешь и улавливаешь смысл; можно прочитать книгу, только перелистывая ее, и все-таки схватываешь самую суть вещей. Это значит, что человек так натренировался на этом деле, что развил уже способность к партитурному чтению. Я привожу такие примеры потому, что они мне более знакомы, но теоретически так же происходит и в непосредственном материальном трудовом процессе, т. е. происходит перевоспитание рабочей силы, переход ее на более высокую ступень. И в этом должен быть большой толчок рационализации промышленности. Другой тип рабочего, другой темп труда, другая интенсивность труда но в то же время другая способность рабочей силы развивать большую интенсивность труда. И совершенно естественно, товарищи, что это есть очень крупная проблема, которую мы обязательно решим. Но мы не можем разрешать ее капиталистическим методом. Центральный Комитет выставил положение о необходимости постепенно переходить на 7-часовой рабочий день. Тут не только имеет место то соображение, что мы сможем благодаря этому ввести большее количество смен, но и соображение большего производ-

ственного размаха. Если мы хотим двигать дело рационализации нашей промышленности вперед, мы должны компенсировать рабочий класс; раз он переходит в высшую ступень, компенсировать более коротким рабочим днем. Мы из 7-часового рабочего дня, поскольку он будет реализован, сделаем мощный рычаг, чтобы поставить себя на более высокую ступень развития. Мы не можем перегнать в хозяйственном отношении капиталистические страны, если мы весь темп нашего производства не переведем на несколько классов вперед.

Я не буду останавливаться на целом ряде других проблем, они изложены в опубликованных решениях.

Перехожу к изложению конкретных мер, принятых по вопросу о деревне.

Дальнейший нажим на кулака — продолжение нашей политической линии.

С классовой точки зрения мы к вопросу нашей деревенской политики подходим точно так же, как к вопросу о построении пятилетнего плана нашего хозяйства. Наша основная задача — социалистическое продвижение вперед. Как я уже сказал, на основе наших достижений, мы должны повести более органи-

зованное наступление на капиталистические слои деревни, на основе укрепления и упрочения союза с середняком. Тезисы, которые предложены вниманию членов партии, отмечают и общую установку, о которой я говорил, и ошибки и извращения нашей политики. В тезисах отмечены крупнейшие ошибки и крупнейшие извращения нашей политики в деревне, которые мы имели и можем иметь. Главное в тезисах заключается в тех практических мероприятиях, которые Центральный Комитет считал нужным наметить на ближайшее наше будущее, для реализации намеченной тактической линии.

В чем будет выражаться линия более форсированного наступления на кулака?

Во-первых, уточнение и улучшение постановки прогрессивно-подоходного обложения в смысле уловления всех доходов кулака, в смысле перехода на этот тип обложения в волости.

Во-вторых, борьба с куплей и продажей, дарением и завещанием земель, случаи чего бывают в некоторых местах.

В-третьих, сокращение сроков аренды — сокращение прав для тех, кто не возделывает сам землю, сдавать ее в аренду, от трех до шести лет.

В-четвертых, прекращение выделов на от-

руба, если этот переход на отруба идет на пользу кулака и сопровождается ростом отрубного хозяйства кулацкого типа.

В-пятых, строгое соблюдение кодекса законов о труде в деревенском капиталистическом, т. е. в кулацком, хозяйстве и так называемых временных правил в хозяйствах средне-зажиточного типа, на которые эти правила распространяются.

Большое внимание и усиление кооперативных форм хозяйства с таким уклоном, чтобы от сбытовой кооперации, от кооперации по сбыту и снабжению сейчас в возрастающей степени развивать производственное кооперирование. Наши хозорганы, уже сейчас, зачастую, дают прямые заказы крестьянству, указывают, как лучше производить, иногда дают ему сырье и, таким образом, связываются договорными отношениями с кооперированным крестьянством, ведя фактически это хозяйство по определенному производственному плану.

В области политических мероприятий важнейшее ограничение, намеченное в тезисах, это лишение по сути дела кулака права голоса в земельных обществах. Это — крупнейшая реформа. Дело в том, что в деревнях очень часто земельные дела решает земельное общество и, кроме того,

совет, т. е. имеется как бы зародыш некоторого «двоевластия». Если кулак лишен избирательных прав в совет, а в земельном обществе, при решении земельных дел, имеет право голоса, он там голосует и может так или иначе манипулировать. Поэтому намечено лишение права голоса в земельном обществе для тех, кто лишен избирательных прав в совет. Это необходимо и с точки зрения общей линии нашей политики, чтобы совет не оторвался от производственной базы, т. е. от дел земельного общества.

Вот, главные из тех мероприятий, которые идут по деревенской линии. Я не останавливаюсь на других мероприятиях, более обычного типа, ну, скажем, всемерной помощи ирригационным работам, на вопросе о землеустройстве, без разрешения которого невозможно дальнейшее развитие крестьянского хозяйства вперед, невозможно ограничение вожделений кулака, который при землеустроительной неурядице перехватывает иногда лучшую землю и т. д.

Во всех этих мероприятиях отражается та общая политическая классовая линия, которую мы наметили на основе завоеваний, полученных в результате решений XIV с'езда в новой обстановке. Вы видите, что эта линия находит свое конкретное, практическое

выражение в решениях пленума, которые должны будут с максимальной настойчивостью проводиться членами партии после того, как, мы надеемся, партийный с'езд эти решения утвердит.

У нас было два главных пункта в порядке дня нашего пленума Центрального Комитета — если не считать вопроса об оппозиции — это именно: вопрос о пятилетнем плане и вопрос относительно работы в деревне.

Я коснулся здесь только *наиболее важного* по той причине, что эти темы настолько обширны, что, даже отвлекаясь от международного положения, о чем у нас обычно всегда принято говорить, все же вы видите, что тут подняты сложные, труднейшие вопросы нашей борьбы и работы.

Мне хотелось бы, чтобы из этой части доклада вы, товарищи, вынесли с полнейшей отчетливостью и ясностью одну мысль, которую я хотел провести в этой части доклада, а именно:

во-первых, что мы сейчас, в теперешних условиях должны *усилить нажим на капиталистические элементы*;

во-вторых, что эта наша политика *не случайна, а вытекает и связана с предыдущей нашей политикой*.

в-третьих, что эта увязка заключается в

том, что мы не могли перейти к форсированному наступлению на капиталистические элементы деревни, не имея вместе с собою крестьянина-середняка, и

в-четвертых, что мы не могли приобрести на свою сторону крестьянина-середняка, не проведя тех мероприятий, которые решил XIV партийный с'езд.

Теперешняя наша политика, намеченная последним очередным пленумом Центрального Комитета, это не есть пуля, случайно выпущенная, неожиданный выстрел из револьвера, как пытается это представить оппозиция, а это есть продолжение той политической линии, которую мы имели раньше, на основе учета нового классового сочетания общественных сил, на основе того нового, что мы получили в результате двух лет.

Еще и еще раз повторяю, — не ленинец тот, кто говорит при каждом удобном и неудобном случае буквально то же самое. Такому виду животного имеется правильное название — «попугая». Задача ленинца — анализировать конкретное соотношение сил, конкретное положение, и соответственно этому действовать. Мы перешли теперь в новую обстановку на основе нашей предыдущей политики. Новая обстановка требует от

нас и некоторого нового слова. Это новое слово и намечено решениями последнего пленума.

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ.

Перехожу теперь ко второй части доклада, к вопросам, связанным с нашими разногласиями, с разногласиями между оппозицией и партией. Этот раздел своего доклада я начну со следующего. Нередко приходится слышать со стороны оппозиционных товарищей, что мы, якобы, пошли им навстречу, или «стибрили» часть того, что у них написано в их платформах, заявлениях и проч. На этот вопрос я, по существу, ответил в первой части своего доклада, а здесь я хочу поставить другой вопрос. Хорошо, предположим, что мы «стибрили» их платформу, почему же тогда они не складывают оружия, почему же они тогда не скажут: ну, ладно, были разногласия насчет кулака, теперь партия пришла к нашим взглядам, разногласия изжиты, давайте жить в мире; были разногласия по ряду других вопросов, но теперь, благодаря тому, как Троцкий говорил на одном совещании, что Бухарин поворачивает «теоретическую кобылу» то хвостом, то мордою, в зависи-

мости от настроения, теперь, когда ЦК, по мнению оппозиции, повернул эту самую кобылу не хвостом, а мордою, почему же вы не складываете оружия, милостивые друзья? Это совершенно естественный вопрос.

В самом деле. Предположим, что мы в течение двух лет ошибались, предположим, что со времени XIV партс'езда мы несли величайшую ахинею, предположим, что именно благодаря этому оппозиция имела морально-политическое право встать на дыбы и обрушивать на партию решительно все, что у нее было в ее арсенале, начиная от твердых мортирных снарядов и кончая довольно зловонными веществами. Для чего же нужно с е й ч а с так трещать? Почему же с е й ч а с всем не сплотиться, раз партия, по убеждению оппозиции, изменяет свою точку зрения? Такой вопрос нужно задать. На это оппозиция отвечает: видите, вы нас явно «обокрали», но мы не верим, что руководящие партийные кадры будут в состоянии провести ту программу, которую мы указываем; вы все здесь жульничаете, пошли налево, сделали зигзаг, повернули под влиянием критики оппозиции, но партия не в состоянии провести то, что сама признала.

Ладно, предположим, что и это так; предположим, что у нас такое положение вещей,

что вся партия говорила величайшую ахинею два года, предположим даже, что теперь, встав на правильную точку зрения, партийное руководство само не в состоянии будет провести эту политику. Но скажите, пожалуйста, если бы все это было так, и если бы в этих двух вопросах оппозиция была права, разве тогда не должна была оппозиция сказать: ну теперь руководство партии обнаружило свое политическое банкротство, партия, однако, этому руководству верит; мы, оппозиция, должны еще доказать всей рядовой партийной массе, что это руководство по тем векселям, которые оно дало, платить не будет. Подождемте еще годок и все увидят, что это партийное руководство по векселям, выданным им, платить не будет, политическую линию, которая теперь намечена, осуществить не сможет, тогда всякий дурак поймет, что этакое руководство надо сбрасывать, сшибать. Так тогда должна была бы рассуждать оппозиция.

А что мы видим вместо этого? Вместо этого мы видим, что как раз перемена тактической ориентировки партии, в связи с новым положением сопровождается со стороны оппозиции не только криками о том, что нас-де «обокрали», но и неслыханным обострением внутрипартийной борь-

бы. Это почему? Если вы уверены, что теперешнее партийное руководство своими собственными силами не сможет провести намеченную политику, если дело обстоит так, то разве не долгом каждого оппозиционера являлось бы выждать еще известное количество времени, а не подвергать партию неслыханной опасности раскола, подвергать пролетарскую диктатуру в нашей стране различным колебаниям, идя на путь нелегальщины, переходя решительно все рамки внутрипартийных норм и даже норм общесоветского права.

Оппозиция отошла от партии не только в вопросах тактики, но и в вопросах программы.

Из-за чего такой шум? Из-за чего такая ожесточенная атака? Из-за чего такая политика, которая по сути дела означает выбрасывание всех организационных принципов партии в корзину? Почему такое бешенство? Почему такая антипартийная и даже, повторяю, отчасти антисоветская работа? Почему? Если все так, как говорит оппозиция, то на этот вопрос нельзя найти никакого ответа,

если... если не обратить внимания на другую сторону дела, если не обратить внимания на то, что сейчас, по сути вещей, оппозиционные товарищи отходят от партии не только тактически, но и программно. И если дело будет итти так и дальше, то ничего хорошего для оппозиции получиться не может.

Я возьму некоторые пункты, наиболее важные с моей точки зрения и, думаю, с точки зрения всех нас, и постараюсь показать, насколько далеко в основных, элементарных, кардинальных и существенных вопросах разошлись партия, с одной стороны, и оппозиция, с другой стороны. Я возьму, товарищи, вопрос о пресловутом «термидоре», который всем вам изрядно надоел, но о котором я все же здесь должен сказать несколько слов. Вопрос о «термидоре» есть по сути дела вопрос о том, что собою в конце концов представляет сейчас наша страна. Есть ли у нас революционное строительство, или у нас контр-революция, победа других классов и т. д.? Повторяю, — это вопрос о том, что сейчас представляет собою наша страна. Это не маленький вопрос! Этим вопросом определяется все. Троцкий в своей

брошюре «Новый курс», нападая на политику партийного большинства, в кругу которого находились Зиновьев, Каменев и др., и в то же самое время отгораживая себя от других критиков нашей партии, именно — от критиков меньшевистского и либерального лагеря, критиков, которые считали, что они первые заговорили о термидоре, которые еще в 1921 году видели в Ленине главного «термидорианца», которые в новой экономической политике видели основное грехопадение большевиков, которые еще в 21 г. в новой экономической политике видели провозвестника грядущего бонапартизма и грядущей контрреволюции, — боролся на два фронта: с одной стороны — против партийного большинства, а с другой стороны — против меньшевиков и сменовеховцев. Вот что он писал: «Исторические аналогии с Великой Французской революцией (крушение якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны» («Новый курс», стр. 33. Курсив наш. *Н. Б.*).

Что это за аналогия с Великой Французской революцией? Эта аналогия с Великой Французской революцией, это есть аналогия с термидором, бонапартизмом и прочими

«металлами и жупелами». Троцкий еще в 1923 году писал, что игра с этими вещами, игра с аналогией и сама аналогия поверхностны, т. е. недопустимы, несостоятельны, т. е. не годятся, а рассматривая с точки зрения социально-классовой этих говорунов о «термидорах», назвал их либералами и меньшевиками и писал: пусть питаются и утешаются либерализм и меньшевизм этими аналогиями.

Прошло несколько лет — с 23-го по 27-й год. Кто теперь питается и утешается этой аналогией с Великой Французской революцией? Утешается ею и питается меньшевизм? Да. Либерализм? Да. Но только ли они, или еще кто-то, кто тоже питается теоретически, идейно этой аналогией? К сожалению, мы должны констатировать тот несомненный факт, что сейчас к двойке — к либерализму и меньшевизму — присоединилась еще оппозиция в нашей партии, во главе с Троцким. А как нужно оценить с этой точки зрения наши разногласия? С этой точки зрения наши разногласия нельзя иначе оценить, как так, что по коренному вопросу, от которого зависит ответ на целый ряд других тактических, общеполитических, хозяйственных и прочих вопросов, оценка положения

в стране, которая дается сейчас нашей оппозицией, есть оценка, которая привела нашу оппозицию в один лагерь с либералами и меньшевиками. Это, к сожалению, несомненный факт.

Оппозиция скатилась к меньшевизму в вопросе об оценке диктатуры пролетариата.

Я беру второй вопрос, связанный с этим вопросом, — вопрос о характере нашей государственной власти. Вопрос о характере нашей государственной власти — вопрос не маленький; вопрос о характере государственной власти есть существенный вопрос для оценки положения вещей в той или другой стране. Что мы по этому поводу имели и имеем?

Все мы знаем, что сравнительно недавно, какие-нибудь полтора года тому назад, Троцкий впервые выпустил крылатое словечко о далеко непролетарском характере нашего государства. Когда обратили его просвещенное внимание на это «далеко непролетарское государство», то Троцкий неоднократно позволял себе обвинять тех, кто критиковал это положение, чуть ли не в клевете. А теперь, что мы видим, и что теперь говорят оппози-

ционеры про наш строй, про государственную власть? Ни для кого не секрет документ оппозиции, в котором черным по белому написано, что с помощью руководящей группы, теперешней группы нашего Центрального комитета, наша страна пришла к такому положению вещей, когда мы переживаем период Керенского. Это написано черным по белому. Это циркулирует в различного рода документах наших оппозиционных товарищей. Но что это означает, если мы переживаем «эпоху Керенского», а наша оппозиция стоит на точке зрения большевиков 1917 года, июля месяца? — Это означает, что мы являемся контр-революционным государством, и это означает, что настоящий революционер должен не только не заниматься защитой этого государства, а должен свергать это государство. Мы можем констатировать, что в вопросе об отношении к государственной власти теперь, пройдя через различные этапы, через положение о далеко непролетарском государстве, оппозиция имеет решительную тенденцию переходить к вещам, которые влекут за собой выводы, политически абсолютно несовместимые и абсолютно нетерпимые (мягко выражаясь) в рядах партии революционного рабочего класса.

Оппозиция предпочитает буржуазную «демократию» пролетарской диктатуре.

Я должен процитировать здесь один документ, который был оглашен на последнем пленуме и остался без опровержения со стороны представителей оппозиции. Поэтому я его процитирую здесь. Это есть заявление одного из ленинградских товарищей, Косько, который был «на приеме» у Троцкого, Зиновьева и проч. во время их последнего пребывания в Ленинграде в период сессии Центрального исполнительного комитета советов. «На приеме» тт. Зиновьеву, Троцкому и проч. задавались различного рода вопросы, и в том числе был задан вопрос о том, каким образом союзники теперешней нашей оппозиции германские ультралевые в своем органе «Фане-Дес-Коммунизмус» («Знамя коммунизма»), издаваемом всем вам известным Масловым, выдали нашего товарища Ломинадзе полиции. Тов. Ломинадзе работал там нелегально, а они взяли и написали, что он находится в Германии и пишет такие-то статьи. И вот этот т. Косько описывает, что ответил на это т. Зиновьев. Я цитирую дословно заявление этого ленинградского товарища:

«Зиновьев (отвечает). Мы в этом, конечно, повинны. Но ничего страшного тут нет. У тов. Ломинадзе ни один волос не упал с головы. Конечно, плохо, что так вышло. Да, правду сказать, как это ни странно, в гинденбурговской Германии свободнее, чем у нас. Я смело могу сказать, что сейчас там нет ни одного коммуниста в тюрьме. Можешь писать и говорить, что хочешь. А у нас — сегодня скажешь на партсобрании про секретаря или против какой-нибудь ошибки аппарата, а завтра тебя исключат из партии». (Курсив наш. *Н. Б.*). (Голоса: «Позор!»).

Я позволил себе процитировать этот документ, повторяю, потому, что он был зачитан на пленуме Центрального комитета и не удостоился опровержения со стороны оппозиции. Но установка, данная в документе, удивительно вяжется со всем прочим — и с «термидором», и со сравнением с керенщиной. В самом деле, если у нас есть не только термидор, но и такая победа контр-революции, которая роднит наше государство с государством российской империалистической буржуазии времен Керенского, после июльских дней, т. е. после временного разгрома и подавления революцион-

ного рабочего класса, то, пожалуй, по сравнению с таким государством гинденбурговская Германия не отличается особенно большими недостатками. Но, товарищи, тогда нам нужно с оппозицией договориться: кому гинденбурговская буржуазная республика более люба, чем Советская республика рабочего класса, тому — скатертью дорога, мы не мешаем... (Возгласы: «Правильно!». Бурные аплодисменты).

Оппозиция отрицает социалистический характер наших командных высот.

Беру другой вопрос, который точно также должен быть поставлен, когда мы говорим относительно кардинальных вопросов, стоящих перед каждым из нас, перед каждым сознательным членом рабочего класса и каждым членом нашей партии. Это есть вопрос о роли командных экономических высот. Вы вспомните, что во время XIV партийного с'езда по этому вопросу, по вопросу об оценке роли командных экономических высот, у нас были разногласия с новой оппозицией, причем эти разногласия были тогда еще очень трудно уловимы. Оппозиция не давала точной формулировки,

она только атаковала наши определения промышленности как промышленности «последовательно-социалистического типа», по определению Ленина, или как «социалистической индустрии». Оппозиция давала разные формулировки, очень «эластичные», совершенно неточные, но которые все клонились к тому, чтобы подорвать социалистическое значение нашей промышленности, хотя бы слегка подорвать. А в одном из последних «произведений» нашей оппозиции, а именно — в оппозиционной «платформе», где речь идет о промышленности, сказано, между прочим, что теперешнее положение на фабриках имеет тенденцию восстановления отношений дореволюционного периода. Прямо там сказано об отношениях между мастерами и рабочими, но в таком контексте, который совершенно ясно говорит об общей тенденции на фабриках восстанавливать отношения между людьми, которые были свойственны д о р е в о л ю ц и о н н о м у п е р и о д у. А так как социальная характеристика, т. е. классовое существо того или иного строя, той или иной промышленности, определяется именно этими отношениями между людьми, то сказать, что в области нашей промышленности имеется сильная тенденция к восстановлению отношений дореволюционного пе-

риода, это значит начать *отрицать какой бы то ни было социалистический характер государственной промышленности.* Это разногласие не есть тактическое, это есть *разногласие программы*, потому что, если бы на наших фабриках были отношения дореволюционного периода, то мы не имели бы никакого ни морального, ни политического, ни революционного права призывать рабочий класс поддерживать такую промышленность, а, наоборот, должны были бы призывать эту промышленность разрушать.

На XIV партийном с'езде разногласия по этим вопросам при всей своей величине играли сравнительно второстепенную роль, хотя эти разногласия крупные и большие. Но то, что мы имеем сейчас, обозначает огромнейшее раздвижение идеологических ножниц за последние два года, раздвижение, которое точно также идеологически выводит оппозицию за пределы хотя бы элементарного ленинского понимания вещей.

Тов. Смилга в своей критике тезисов тов. Молотова о работе в деревне, которые Политбюро представило вниманию пленума, между прочим, заявил относительно этих тезисов следующее (я цитирую *буквально по стенографической записи* пре-

ний, бывших на пленуме ЦК): «Вместо ленинской установки, мы имеем бухаринскую, которая заключается в том, что при капитализме — так, а у нас все принципиально иначе». (Курсив наш. Н. Б.). В тезисах доказывается, что у нас дифференциация крестьянства идет не совсем так, как она идет в капиталистических странах, у нас цифры и статистические данные показывают, что при росте кулацких хозяйств и при пролетаризации части бедняцких хозяйств, благодаря тому, что известная, довольно значительная часть бедняцких хозяйств переходит в середняцкие, середняк у нас не вымывается, как в условиях капиталистического строя, а середняк есть и остается центральной фигурой нашего земледелия, и что причина этому пролетарская диктатяра вся система отношенийприпролетарскойдиктатуре, направление наших командных высот, т. е. принципиально иные пути развития возможны у нас потому, что у нас принципиально иная структура государственной власти.

Тов. Смилге захотелось назвать эту установку «бухаринской», в противоположность «ленинской», и он развил целый каскад соответствующих тирад насчет ревизионизма,

отрицания дифференциации и всяких других «металлов и жупелов».

Троцкизм против ленинского кооперативного плана.

Но главное положение, которое он здесь выставил, гласит, как я вам читал: «вместо ленинской установки мы имеем бухаринскую, которая заключается в том, что при капитализме — так, а у нас все принципиально иначе». Что все принципиально иначе, этого я никогда не говорил, и тезисы тов. Молотова этого не говорят. Но что у нас основное развитие принципиально иначе поставлено, это до сих пор считалось элементарной истиной для каждого члена партии, и вы знаете это. Если бы было не так, то, позвольте вас спросить, — каким же образом мог бы найти себе место в политике партии кооперативный план Вл. Ильича? Если у нас середняк обречен, как в капиталистическом обществе, на обязательное и необходимое вымывание, если процесс дифференциации у нас идет точно так же, как в капиталистическом обществе, где нет никакой пролетарской диктатуры, если развитие сельского хозяйства идет точь-в-точь как в капиталистическом обществе, если

здесь нет принципиального поворота, то каким же образом Ленин мог ориентироваться на кооперацию, которая во всех капиталистических странах всегда врастала в совокупный механизм капиталистического хозяйственного аппарата, подчинялась и вырождалась в капиталистическую кооперацию, — каким же образом Ленин мог ориентироваться на кооперацию, как на метод развития социализма? Такими вещами тов. Смилга целиком зачеркивает весь ленинский план, уже не говоря о вздорности утверждения, что пролетарская диктатура не меняет коренным образом всех условий развития и всего темпа развития и его направления. Против такого рода аргументации мы находим классическое возражение, которое мне, по чести говоря, стыдно приводить, настолько оно известно каждому нашему партийцу. Это возражение сделал не кто иной, как сам тов. Ленин в той же самой статье о кооперации, ибо он писал: «В мечтании старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства экс-

плуататоров». (XVIII т., ч. 2-я, стр. 139. Курсив наш. Н. Б.) И дальше, он пишет в конце этой статьи: «Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенностям нашего государственного строя, совершенно исключительное значение». (Там же, стр. 144. Курсив наш. Н. Б.) Он поясняет свою мысль, в чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна: «В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошную фантастику, нечто романтическое даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый «гражданский мир»). «Но, посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута, и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее

государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса». «Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». (Там же.) А у Смилги где коренная перемена? Ее нет, она исчезла.

А почему? Здесь, товарищи, ларчик открывается просто. Потому, что Смилга исходит из молчаливой предпосылки, что нет у нас пролетарской диктатуры, а поэтому естественно, что раз нет этого коренного рычага, то все идет не так; возникают предпосылки о термидоре, о государстве периода Керенского, о промышленности, в которой восстанавливаются довоенные отношения, о капиталистических путях развития сельского хозяйства и т. д., причем все эти вопросы завязаны в один узел, и этот узел упирается целиком в один кардинальный вопрос — о природе государства в нашей стране: есть ли пролетарская диктатура у нас, или ее нет? Ибо вы видите, как решительно по всем направлениям так называемая оппозиционная мысль бьется под

знаком отрицания пролетарской диктатуры в нашей стране. Это уже не тактическое разногласие, это есть коренное программное разногласие, и здесь лучше разойтись, чем жить вместе под одной крышей, если существует такая установка у оппозиции. (Аплодисменты.)

Оппозиция выступает против социалистического строительства.

Товарищи, совершенно понятно, что при таких, совершенно неслыханных, идейных установках, — вы видите, что я в этом споре, который имеет совсем невеселое значение, отметаю все личное, все второстепенное и все наносное и беру только коренные вопросы, — так вот, при таких идейных установках, которые есть не что иное, как переход нашей оппозиции в тот лагерь, который Троцкий в 1923 году называл лагерем меньшевиков-либералов, определяется практически политическая установка оппозиции, развитие ее платформы. И вот, посмотрите, что в этой платформе сказано о рационализации нашей промышленности. Там сказано только плохое: об извращениях, о недостатках и т. д. Это плохое у нас есть.

А посмотрите, что сказано положительного о рационализации нашей промышленности? По вопросу, который с точки зрения строительства социализма имеет, поистине, кардинальное и чуть ли не решающее значение... сказано всего две с половиной строчки, как «кот наплакал». Почему? Да потому, что чего же говорить о рационализации промышленности, в которой восстанавливаются «довоенные отношения». Теперь, далее, посмотрите, куда делся у Смилги кооперативный план? Его нет, потому что выпала предпосылка о пролетарской диктатуре в нашей стране. А вся установка в городе и в деревне? О деревне говорится только в смысле защиты интересов бедняка, это верно. Но этого еще недостаточно, такие же пункты есть и у меньшевиков, но у оппозиции нет положительной задачи строительства социализма в деревне. Где она? Она улетела, она испарилась! Все это сейчас понятно: ведь если у нас процесс дифференциации крестьянства идет точно так же, как в капиталистическом обществе, а все остальное есть «ревизионизм», то как же на этом строить социализм, расскажите вы мне, пожалуйста? Где же вы здесь осуществите ленинский кооперативный план? Его нельзя осуществить,

а поэтому совершенно естественно, что речь об этом может итти так же, как и у меньшевиков. Меньшевики считают, что у нас имеется своеобразный капитализм, а поэтому можно позаботиться о том, чтобы рабочие стачкой нажали на то, чтобы им лишний рубль выплатили, или еще что, но... поддержать нашу промышленность — упаси, боже! Вот поддержка промышленности в гинденбурговской Германии, где, якобы, «ни один коммунист не сидит в тюрьме» (!?), это другое дело, а в нашей стране, где имеется тенденция к восстановлению довоенного царского уровня — ни под каким видом! «Пущай» дураки из большинства этим занимаются! Вот ведь какая у них установочка. А в деревне? В деревне можно защищать батраков, а поставить задачу положительной работы, задачу строительства социализма — нет, это не наше дело; этого сделать нельзя, потому что «нет пролетарской диктатуры», а есть «термидор» и т. п. Ведь вот что получается.

Оппозиция ломает советскую легальность.

Теперь посмотрите, да разве вместе с этим не важно то, что делается в области организационно-тактической. Все то, что позволила себе оппозиция, эта, пока что, внутрипартийная оппозиция, является величайшей траге-

дией для нее самой, ибо она перешла рамки не только партийной легальности, но и советской легальности.

Она поступает не только нелойяльно по отношению к партии, т. е. не подчиняется партийному большинству, не подчиняется решениям партийного с'езда, плюет на решения Коминтерна и т. д., но она идет еще и дальше, когда берет обложку покойного пролетарского писателя Фурманова и под этой обложкой, обманным путем, печатает свою платформу на казенные деньги, обманывая наши хозяйственные органы. Во-первых, Фурманов не давал мандата использовать его, покойника, для оппозиционных делишек. Это просто не особенно порядочно по отношению к умершему товарищу. (Смех.) С другой стороны, разве это не есть нарушение советских законов? Это есть нарушение советских законов. А что такое советский закон? Советский закон, если у нас есть пролетарская диктатура, это есть закон пролетарской диктатуры. Что такое нарушение законов пролетарской диктатуры? Нарушение законов пролетарской диктатуры есть ломка пролетарской диктатуры. Одно из двух — или пусть оппозиционные товарищи выйдут и открыто скажут: мы не верим, чтобы

у вас была сейчас пролетарская диктатура в стране! Тогда пусть они на нас не гневаются, если мы им скажем, что тогда гнусным лицемерием является ваше заявление о том, что вы желаете защищать такую страну от внешнего врага. Если у нас нет пролетарской диктатуры, тогда рабочему-революционеру не для чего защищать такое государство, тогда его надо свергать, пользуясь вторжением внешнего врага. Если вы говорите, что вы желаете защищать наше государство, что у нас есть пролетарская диктатура, тогда вы должны нам об'яснить: каким образом человек, стоящий на точке зрения, что у нас есть пролетарская диктатура, осмеливается ломать законы пролетарской диктатуры? Вот как обстоит дело. Понятно, товарищи, что, исходя из отрицания пролетарской диктатуры в нашей стране, ломая законы пролетарской диктатуры, можно точно также выставлять положение: главный враг — это режим, потому что, если нет пролетарской диктатуры, если у нас сейчас государство, аналогичное государству буржуазии времен Керенского после июльских дней, тогда совершенно ясно, что это и есть та мишень, в которую должен целить пулей каждый честный революционер. Тогда опять — выйдите и скажите нам, что-де нашей уста-

новкой является борьба против режима, который у нас сейчас есть, тогда не играйте в двойную бухгалтерию, тогда не говорите, что вы это государство, связанное с этим режимом, хотите защищать против внешнего врага, если у Гинденбурга лучше, чем у нас! Почему вы будете защищать наше государство, если «лучшее», гинденбурговское государство поведет свои полки против нашей красной страны? Это надо продумать. Нельзя бросаться так словами и, как фокусник, вытаскивать то одно, то другое, ни за что не отвечая. Нет, изволъте ответ держать перед партией за каждое слово.

Совершенно естественно, что в связи с этим стоит вопрос об отношении к партии. Если наше государство все к чорту прогнило, если режим у нас такой, что у Гинденбурга «лучше», ясно, что виновницей всего этого зла является наша партия, тогда понятно, почему можно нелегальщину устраивать, типографии заводить, ничего не чураться, тайные собрания созывать, другую партию строить и т. д. Тогда выйдите и скажите нам: пока что, мы находимся в вашей партии — так же, как, скажем, одно время вы находились в Гоминдане для того, чтобы вас потом взорвать, околпачить и т. д.

Тогда скажите по чести. Нельзя же вести двойную игру, нельзя говорить — единство партии и т. д., а потом на все это плевать. Политика оппозиции в этом вопросе понятна в том случае, если предполагать элементарную логику в их головах, т. е., если они смотрят на нашу партию не как на пролетарскую, а как на Гоминдан и сидят в этой партии только для того, чтобы уловить еще остатки рабочего класса, который находится в нашей партии, а потом увести вместе с собой. Тогда это понятно.

Но тогда пусть скажут это открыто, пусть скажут нам, что наша партия, которая считается партией рабочего класса, — что она не есть партия рабочего класса, пусть скажут нам тогда это открыто, пусть они осмелятся это сказать перед рабочей массой, которая входит в состав нашей партии, — тогда мы посмотрим.

Я наперед скажу, что, получив жесточайший отпор в нашей партийной ячейке, они выдумают новую теорию: они скажут, что пролетариат устал, что он расчленен, что он развращен, что нужно выждать десять лет и тогда видно будет, что они всетаки были правы, — они найдут себе утешение; всякая старуха находит себе утешение — или в иконе, или в боге, или в болонке, — они найдут себе утешение в новой теории.

Связь оппозиции с ренегатами и оппортунистами.

Кстати, они говорят, что за ними «миллионы». Они сказали на пленуме, что ленинградский пролетариат от партии отвернулся, что он голосовал на демонстрации за оппозицию. (Смех.) По этой причине они, что ли, голосовали против манифеста ЦИКа. Так вот только из такой установки по отношению к партии они могут сделать вывод, который они делают, и только из такой установки понятно, что они делают в рамках Коммунистического Интернационала. Предположим, что мы переродились — вы видите, — я готов признать сегодня самые неприемлемые вещи, — предположим, что в Советской стране мы переродились и вместо красной страны, вместо пролетарской диктатуры и проч. лежит куча навоза (непонятно только, почему рабочие всех стран приезжают смотреть на эту кучу!) (Смех.) Вот что интересно — почему оппозиция борется в таком случае против всех партий Коминтерна. Я должен сказать, что у них можно видеть такую цепочку — все зло идет от ЦК ВКП (б.), что это зло проникает во все страны и что через нашу партию идет разложение всего западноевропейского пролетариата. Непонятно — какими чудодейственными сред-

ствами должна обладать эта цекистская группа, которая оказывает на весь мир такое влияние. Но они так рассуждают. Они идут против огромного большинства партии. Троцкий на протяжении ряда лет до революции собирал всякую веревочку, всякую дрянь до тех пор, пока все не развалилось, не расползлось, лишь бы насолить большевикам. Так и сейчас делается по отношению к нашей партии, ровно так же. Если мы вспомним августовский блок, то Троцкий делает теперь в международном масштабе то, что он делал в нашей партии или вне нашей партии против нее. Оппозиция говорит, что она опирается на левое крыло Коминтерна. Сейчас я приведу сводку того, на кого опирается, кого собирает вокруг себя троцкистская оппозиция. Я говорю о троцкистской оппозиции, потому что всем ясно, что Зиновьев и Каменев отнюдь не играют роль гегемона в данном случае.

Вот что мы имеем по странам: в Германии у оппозиции есть масловская группа, центральный орган которой выдал Ломинадзе. За последнее время есть документ, — пусть попробует опровергнуть это кто угодно, — что Маслов вступил в связь с группой Корша, а про Корша Зиновьев писал, что это явный контр-революционер.

Это тот самый Корш, который требует сейчас амнистии русским меньшевикам, который решительно высказывается против того, чтобы защищать нашу страну в случае империалистической войны, так как, по его словам, защита нашей страны это все равно, что защита любой империалистической страны, и та группировка, которая защищает нашу страну, совершает такое же падение, какое совершила германская социал-демократия в августе 1914 г. Оппозиция называла Корша контр-революционером, теперь они понемногу подползли к этому самому Коршу.

А кто у них есть в Италии? Парижская группа итальянских политэмигрантов, а потом из более или менее порядочных людей у них есть Бордига. Возьмите любой конгресс Коминтерна, на котором председательствовал тов. Зиновьев, и возьмите любую его речь по поводу Борднига; он всегда оценивал его как человека, у которого нет ни капли марксизма и ленинизма.

Но я беру еще другие вещи, которые еще более интересны, а именно: оппозиция имеет сторонников в Бельгии. Правда, не из членов коммунистической партии, но из группы Лидерса. Это социал-демократическая группа, которая сейчас борется против Профинтерна, которая бешено борется против бельгийской

коммунистической партии и которая на последнем собрании своих сторонников решительным образом боролась против посылки делегации в СССР. Этот лидер об'являет себя сторонником оппозиции, издает ее документы и аргументирует оппозиционной платформой для того, чтобы повернуть стремление рабочего класса своей страны ехать в нашу страну. И понятно, почему же не ехать смотреть на гинденбурговскую Германию, когда там «лучше», «свободнее», и режим там совсем не такой «кровавый», как у нас.

У них есть теперь сторонники в Австрии. Их сторонники в Австрии — это небольшая кучка людей, во главе с Фреем, который не так давно был исключен из австрийской коммунистической партии. За что он был исключен? Он был исключен за то, что предлагал коммунистам во время последних парламентских выборов итти вместе с социал-демократами без всяких условий. Он это не только предлагал, а издавал свою газету против партии, создал свою фракцию и т. д. А теперь он проповедует, что Коминтерн держался неправильной линии в венских событиях, выставив лозунг Советов, что это есть якобы анархо-коммунизм, что надо итти вме-

сте с социал-демократами. И этот человек, который с резко п р а в о г о ф л а н г а критиковал нашу линию, теперь является сторонником оппозиции.

Рут Фишер, оппозиционная дама, приятная во всех отношениях, заявляла недавно, что она скорее пойдет с КАП (маленькая анархо-синдикалистская группа в Германии, исключенная при Ленине из Коминтерна, резко враждебная уже много лет по отношению к СССР, пропагандирующая самым решительным образом против посылки делегаций в СССР). Вот эта оппозиционная дама Рут Фишер заявляет, что она скорее пойдет с КАП, чем с нами.

Сфера влияния оппозиции проникла и в Грецию. Там есть некий Пулиопулос, который был изгнан из коммунистической партии. Теперь он является сторонником оппозиции и издает произведения оппозиции. А исключен из партии он был за то, что проповедывал, что в Греции надо вообще закрыть коммунистическую партию.

Каждый из этих фактов вы можете проверить. Но вот букет получается недурной, букет получается очень революционный!

Упомяну еще одного, лично очень честного товарища, голландского товарища Генриэтту Роланд-Гольст. Она женщина пожилая, с ми-

стическим настроением. Не так давно она устремлялась в одно религиозно-философское общество, но под нашим нажимом ушла. Она сперва апеллировала к нам все время на предмет того, чтобы мы как-нибудь утихомирили свои страсти и как-нибудь помирились с оппозицией. Так вот эта самая товарищ Роланд-Гольст об'явила себя решительной сторонницей оппозиции, но в то же время не так давно написала письмо Броквею, руководителю независимой английской рабочей партии, в котором заявила, что она стоит за об'единение II и III Интернационалов... (Смех.)

Я называю простые факты. Есть еще много других фактов, в роде того, что, например, в Голландии оппозиционеры зачисляют по своему «ведомству» профессиональную организацию, во главе которой стоит Сналифт, исключенный давно из Коммунистического Интернационала, он — большой оппортунист. Я не говорю уже о Суварине, на которого оппозиция опирается во Франции, — тоже оппортунист, исключенный за резко-правые ошибки, и т. д. и т. п. Ведь это же международный «августовский блок»! Здесь «всякой твари по паре». Здесь единая платформа для людей, которые обязуются ругать ВКП и начинают ругать СССР. Вот какова эта плат-

форма. Это — международный августовский блок. Деятельность оппозиции такого типа можно понять и об'яснить себе только при определенном условии: если считать, что нет худшего врага, чем современная советская власть в СССР, — как говорил когда-то Каутский: «Муссолини, Хорти и русские большевики — на одной доске». До этого еще не дошло, — хорошо, если бы и никогда не дошло, — но несомненно одно, что люди идут по такому пути, что могут договориться, что главный враг — наш режим, и что поэтому его можно подтачивать и подрывать всеми средствами, какие только существуют. Вы сами понимаете, что этакие вещи ничем нельзя оправдать.

Борьба оппозиции против партии — рецидив октябрьского дезертирства.

Если спрашиваешь себя: где же истоки этих элементарных заблуждений, где логические, разумные корни, где их найти, как это понять, то, уверяю вас, я сам иногда отказываюсь понимать, что творится в головах оппозиции. Если хладнокровно вдуматься и понять всю платформу оппозиции, как-нибудь осмыслить ее, то можно притти только к одному заключению — что в первую очередь здесь речь

идет о «неслучайной октябрьской ошибке». Я это говорю не для того, чтобы сделать против кого-либо выпад, — достаточно про эти ошибки говорилось и повторять это не к чему, — но как понять, что на десятом году революции, когда мы не сегодня — завтра будем праздновать 10-летний юбилей Октября, люди приходят к такого рода заключениям. Я лично не могу об'яснить себе иначе, как тем, что это есть рецидив, громадный, глубокий, нутряной рецидив той установки, которая была во время Октябрьских дней у Зиновьева и Каменева.

Какие соображения тогда играли у них роль? Соображения, что наша страна экономически, хозяйственно и технически страшно отсталая, что мы не удержим власти, а если и удержим, то будем перерождаться. Эта тема развивалась неоднократно, и я не буду ее здесь развивать. Троцкий думал, что вывезет кривая международной революции, что вывезет государственная помощь международного пролетариата, а если помощи международного пролетариата не будет, то ничего из этого не выйдет. У него была такая позиция. И если сейчас этой помощи нет, то вполне понятно, почему он спустился к тем взглядам, которые отстаивали Каменев и Зиновьев.

Нам невредно вспомнить, как они вообще смотрели в Октябрьские дни на политическое положение страны. Я прочту выдержку из документа ушедших наркомов, писанного с благословения Каменева и Зиновьева. Что они писали? «Мы считаем, что только образование такого демократически-социалистического (т. е. меньшевистско-эсеровско-большевистского,— Н. Б.) правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто-большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать». (Слушайте, дальше особенно замечательно!) — «Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны». («Архив Революции» 1917 г., под ред. Рожкова, стр. 408. Курсив наш. Н. Б.)

Вот как они оценивали политическое положение. Они считали, что в отсталой стране, как наша, не только социализма

не построить, но с политической точки зрения возникает безответственный диктаторский режим. И когда они сейчас пробуют расшатать режим, когда они сейчас становятся рупором мелко-буржуазной демократии, когда они сигнализируют, что гинденбурговская «демократия» лучше пролетарской диктатуры, они *повторяют слово в слово то, что они писали и при своем уходе от октябрьских постов десять лет тому назад.* Эта нутряная установка выявляется сейчас, эта нутряная установка дает себя знать в их бешеной борьбе против партийного руководства и теперешнего режима вообще.

Из старой брошюры тов. Троцкого «Наши политические задачи» я рекомендую вниманию товарищей одно чрезвычайно интересное место, которое я, к сожалению, сейчас не могу точно процитировать, но смысл которого я могу устно передать так, что общий смысл этого места будет ясен.

Тов. Троцкий писал еще в 1904 году насчет пролетарской диктатуры и говорил приэтом, что переходный период поставит такие сложные задачи перед рабочим классом, что *одна какая-нибудь партия, одно течение, не сможет этих задач ух-*

ватить во всей сложности, что нужны разные группы, разные течения, из которых одна подходит с одной стороны, другая подходит с другой стороны, третья — с третьей. Скажем, одна давит на кулака, а другой больше люб середняк, третьей — торф, четвертой — уголь и т. д., и только из синтеза, т. е. из об'единения всех этих различных течений, направлений и партий складывается возможность решения сложнейших задач пролетарской социалистической диктатуры. Ну, а все вышло немножко наоборот.

Что касается партии, то до сих пор все большевики проповедывали, и громче всех об этом кричал тов. Зиновьев, а на ряду с ним и тов. Каменев, что у нас ни в коем случае невозможна система двух партий, что такая система означала бы сползание в рамки буржуазной демократии, что две партии в нашей стране означают два правительства, две армии, два ГПУ, два любых административных органа и т. д., потому что раскол в нашей партии будет означать раскол всего, всего нашего механизма, ибо наша партия правит и управляет, ее пальцы воткнуты в любой хозяйственный, политический, военный и проч. аппараты, и раскол нашей партии будет означать трещину во всей системе государ-

ственной власти в нашей стране. А почему же, спрашивается, они теперь об этом позабывают, почему они теперь идут к системе двух партий, почему они теперь не гнушаются ничем?

Это можно опять-таки об'яснить только в том случае, если отрицать наличие диктатуры пролетариата в нашей стране, потому что, если у нас нет диктатуры пролетариата, то какое мне дело — раскалываю я или не раскалываю ГПУ, это же есть «охранка», раскалываю я или не раскалываю армию, ведь это есть армия «преторианцев», раскалываю я или не раскалываю государственный аппарат, — наплевать мне на этот аппарат, если это есть враждебная по отношению ко мне сила, т. е. при таких предпосылках можно позабыть все речи, которые еще полтора какихнибудь года тому назад с таким воодушевлением произносились тт. Зиновьевым, Каменевым и иже с ними, которые теперь маршируют во главе с исконным антиленинцем, тов. Троцким.

А если в результате всего этого мы зададим вопрос, — и пусть нам об'яснят, — чем отличается эта точка зрения по отношению к СССР от точки зрения социал-демократической? Согласны здесь социал-демократы с нашей оппозицией? Согласны на сто

процентов. Они только раньше это сказали. Относительно природы нашей государственной власти согласны социал-демократы с нашей оппозицией в том, что она переродилась? Согласны.

А о наших госпредприятиях — согласны ли они, что там возрождаются довоенные отношения? С этим также согласны. А о развертывании кооперативного плана, что якобы оно ведет не к социализму, а к капитализму? Все это говорит и социал-демократия. И в вопросах о положении рабочего класса, в том, что нечего рационализировать нашу промышленность, а что рабочему нужно вырывать то, что можно, и в разговорах о режиме, — во всем сейчас оппозиционеров не отличишь от меньшевиков. Мы не можем найти никакой принципиальной разницы между вами, товарищи из оппозиции, и социал-демократами. То, что вы говорите, это есть неоменьшевизм, новый меньшевизм, на новых дрожжах растущий.

А в пунктах обвинения, которые выставляют в своей платформе оппозиционеры, в пунктах обвинения, где нет ни слова правды, разве там они не повторяют социал-демократов? Главные обвинения против нашей партии, заключающиеся в платформе оппозиции, — это пункт о том, что якобы мы хотим ликвиди-

ровать монополию внешней торговли, заплатить довоенные долги, расширить политические права кулака и уйти из Китая. Ведь составители платформы великолепно знают и не смогут отрицать того, что все эти пункты лживы от начала до конца, на все сто процентов. Они же знают, что мы целиком на стороне китайской революции. Заявляя так, они на нас клевещут. Они говорят, что мы хотим ликвидировать монополию внешней торговли, но они прекрасно знают, что это неправда. Они говорят о привилегиях, которые мы предоставляем кулакам, прекрасно зная, что кулаки не имеют ни одной привилегии, а что мы лишили их права голоса в земельных обществах. Они знают, что это ложь на все сто процентов. Всю эту ложь оппозиция поет с голоса либерального и меньшевистского лагеря, как совершенно справедливо заявил в 1923 г. Л. Д. Троцкий в связи с вопросом о «термидоре», и т. д. Ведь вот что получается.

Социальный базис оппозиции не имеет ничего общего с пролетариатом.

Мы можем и должны выяснить социальный базис оппозиции, что она собою представляет, что она собою выражает. Я различаю непо-

средственный б а з и с оппозиции и с л у ж е б-н у ю р о л ь оппозиции, что представляет собою совершенно другое. Может быть, такая группа, базисом которой являются интересы мелкой буржуазии, а служебная роль ее такова, что она помогает крупной буржуазии. Словом, ее служебная роль не совпадает с социальным базисом

Прежде всего — о социальном базисе оппозиции. У нас в стране не все еще утряслось. Мы шагнули далеко вперед, но развитие у нас противоречивое. Характерным для городов является безработица служащих, слоев, которые стоят между интеллигенцией и городской беднотой. Мы сейчас ставим перед собою задачу борьбы с бюрократизмом, и одна из мер этой борьбы — сокращение нашего государственного советского аппарата. Один раз мы сокращали его, теперь сокращаем его еще на 20 проц. Анализируйте состав безработных. Вы увидите, что служащие там играют громадную роль, а мы сейчас не только не собираемся расширять наш государственный аппарат, но, наоборот, режем его. Что же вы думаете, что это даром проходит? Это огромный слой, который выталкивается сейчас в результате сжатия нашего аппарата, слой не чисто-пролетарский, служивый, чиновничий и т. д., но он тоже есть хо-

чет. Конечно, эти безработные не особенно довольны, когда все время идет чистка и сжатие аппарата, когда их рассчитывают и выбрасывают на улицу. Все же мы с вами прекрасно понимаем, что с точки зрения интересов нашего пролетарского государства в целом нам нужно упрощать наш аппарат, а это, повторяю, влечет за собой выбрасывание людей на улицу. Это не особенно приятная операция, и многим не становится легче от того, что это делается из высоких государственных соображений. Эта масса сплошь и рядом связана родственными корнями со служилой интеллигенцией, она связана другими концами с массой городской бедноты. Вот мы много говорили о спекуляции. А вы ведь знаете, что выясняется такая картина: масса городской бедноты у нас, по Москве, спекулирует, нанимается к крупным скупщикам, стоит в очередях, иногда снабжает их кооперативными книжками, выстаивает целые дни, чтобы получить товар. По существу они являются агентурой частника, который стоит за их спиной. Вы думаете, они чрезвычайно довольны нашим режимом? Они тоже связаны с различными группами населения, более того, они связаны некоторыми своими концами с отдельными, правда, незначительными слоями рабочих и

крестьян, находящимися в городах. Можем ли мы сейчас наш государственный аппарат не сокращать? Не можем. Можем ли всю нашу интеллигенцию и полуинтеллигенцию сейчас ублаготворить? Нет, не можем. Эти слои проявляют некоторое недовольство этим положением. Это есть главная база оппозиции. Когда мы сравниваем рабочие ячейки и вузовские ячейки в нашей партии, то процент оппозиционеров в вузовских ячейках выше, чем в рабочих ячейках. Почему? Потому что этот состав вузовских ячеек связан со слоями, о которых я говорил. Оппозиция идеологически выбрасывает левый флаг, а выражает напор всех этих слоев: тут есть часть наиболее отсталых безработных рабочих, не понимающих, в каком положении мы находимся, которым, конечно, трудно терпеть это положение. Но решающую роль играют и главное ядро составляют эта самая городская мелкая буржуазия и служащие, полуинтеллигентские слои, которые обладают большою настойчивостью, в особенности, молодежь, которые обладают большой силой сопротивления, которые связаны с другими кругами безработных. Вот, мне кажется, социальная база нашей оппозиции, но, повторяю, сейчас не только важно знать социальную форму оппозиции, ее базу, но нужно понимать ее служебную роль.

Оппозиция служит знаменем всех контр-революционных сил.

Мы с сожалением должны констатировать, что оппозиция, ломая рамки советской легальности, **начинает служить прямо нашим противникам.** Оппозиционные товарищи выступают против нас с такими вещами: вы, как настоящие термидорианцы, хотите еще запугать нас в ЦК, нас, настоящих революционеров, вы хотите смешать, как во времена термидора, с разной швалью, с контр-революционерами, хотите создать месиво, «амальгаму», которую сам чорт не разберет, и хотите подвести нас фуксом под разряд контр-революционеров. Амальгама — амальгамой, а факты — фактами. На пленуме ЦК я приводил ряд мест из такого «амальгамиста», как тов. Ленин. Я не буду приводить много мест, я приведу некоторые цитаты из известной резолюции X партс'езда об единстве партии, и приведу не те цитаты, которые обыкновенно приводятся, а несколько другие места. Вот что писал в резолюции X с'езда Владимир Ильич:

«Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадт-

ского мятежа, когда буржуазная контр-революция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контр-революция использовала в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя советской власти против советского правительства в России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меньшевистские листки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают, равным образом, как меньшевики использовали разногласия внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими будто бы поправками».

В § 3 говорится: «Пропаганда по данному вопросу должна состоять, с одной стороны, в обстоятельном об'яснении вреда и опасности фракционности и с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха

диктатуры пролетариата, с другой стороны — в об'яснении своеобразия новейших тактических приемов врагов советской власти. Эти враги, убедившись в безнадежности контр-революции под открыто белогвардейским флагом, напрягают теперь все усилия, чтобы, используя разногласия внутри РКП, двинуть контр-революцию, так или иначе путем передачи власти политическим группировкам, наиболее близким по внешности к признанию советской власти.

Пропаганда должна выяснить также опыт предшествующих революций, когда контр-революция поддерживала наиболее близкие к крайней революционной партии мелко-буржуазные группировки, чтобы поколебать и свергнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контр-революции, капиталистов и помещиков».

Троцкисты расчищают дорогу «третьей силе».

Тов. Ленин неоднократно выставлял эту проблему третьей силы. Если в партии обнаружилась щель? Третья сила сторожит. Великое преступление, кто прямо или косвенно поддержит эту третью силу. У нас в стране есть недовольные. Мы много пишем и говорим относительно того, что у нас будет война.

И вот вы легко поймете, что среди этих группировок сейчас идет бешеная спекуляция на войне: может быть, война будет, тут мы и встанем, — думают они, — тут мы и покажем. И вот, готовясь к этому, они готовы использовать каждую щель.

Как дожила оппозиция до жизни такой, что она нарушает не только устав партии, но и законы пролетарской диктатуры, т. е. ломает некоторые балки пролетарской диктатуры, так что получается щель, в которую противники наши полезут с превеликим удовольствием? Это надо понять. Конечно, если оппозиция считает, что у нас нет пролетарской диктатуры, тогда разговор другой, тогда надо сказать оппозиции: уходите, образуйте вторую партию и оставьте нас в покое; будем честно драться, но не вертитесь тогда так, что ничего понять нельзя, потому что, с одной стороны, вы говорите о диктатуре пролетариата, а с другой — о термидоре. Какой «термидор», когда диктатура пролетариата, и какая диктатура, когда термидор? Ведь это у вас шутовская линия, а не честное выявление своих взглядов. Давайте разойдемся как честные враги. Для чего же ломать такую бешеную комедию? Когда вы нарушаете советскую легальность, вы поощряете всякую сволочь.

Теперь о так называемом военном заговоре. Я должен сказать об этом военном заговоре, потому что оппозиция напечатала об этом в органе Маслова, назвав всякие фамилии, спугнув тем самым тех, кого мы еще не арестовали, но должны арестовать: предупредила их. У нас до сих пор бывали дела, что если какая-нибудь контр-революционная вещь раскрывается, то об этом члены Центрального комитета и вообще члены партии, честные, а не жулики, не такие, которые готовы выдать Ломинадзе полицейским шпионам гинденбурговской республики, а настоящие, честные революционеры, до сих пор считали своим долгом молчать до поры, до времени. А вот можете себе представить, что показания и другие материалы еще незаконченного следствия недавно раскрытой контрреволюционной группы с разными ироническими замечаниями напечатаны в органе Маслова. Нам известно, кто был знаком с этими показаниями. Это были члены Центрального комитета ВКП (б).

Я буду рассказывать в тех пределах, которые стали известны благодаря оппозиции. Дело обстояло таким образом. В связи с раскрытием нелегальной оппозиционной типографии было установлено, что некоторые из работников этой типографии через ряд

звеньев были связаны с военными группировками, помышлявшими о военном перевороте у нас, на манер переворота Пилсудского. В их числе есть старые полковники Колчака, есть один коммунист-оппозиционер, который сейчас арестован, и есть еще разные другие лица. Эта самая военная братия резко антисемитски настроена. Они прямо говорят своим контрагентам, что решать в конце концов будете не вы, «чумазые», а мы, но мы вас используем пока что. Они доказывают самыми сложными соображениями, что в настоящее время необходимо спасать страну «от гибели» путем переворота, аналогичного перевороту Пилсудского, тем более, что последний удался без шума, без иностранной интервенции. Для осуществления этого переворота им нужны решительные люди, и нужно использовать разногласия внутри партии. Нас ругают амальгамщиками, но я считаю, и если товарищи будут читать протоколы пленума ЦК, то они увидят, что в этом вопросе тов. Троцкий явно попался... Я его спрашивал: есть ли в числе арестованных один беспартийный, выпуска которого оппозиция требовала? Требуют ли они все еще его освобождения? Троцкий кричит с места: «Требуем, если он судится по делу о типографии». Я спрашиваю: «А если по делу о военном заговоре?». —

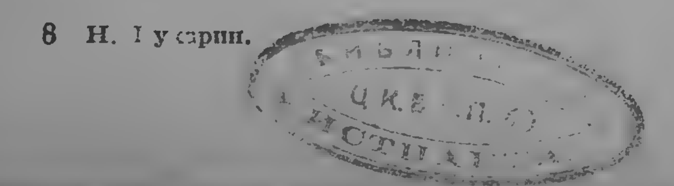
«Делайте с ним тогда, что угодно». — «А если он и по тому и по другому делу?» Он смешался и говорит: «Вы это добыли путем подставных лиц и проч.». Я говорю: все равно каким путем, но, если существует такое положение, что одно и то же лицо работало у вас в типографии и в то же время связано с военными заговорщиками, то вы признаете, что с ним можно делать, что угодно, т. е. тем самым вы признали, что в жизни возможна «амальгама», и что вы, следовательно,—хвост, к которому примазываются люди, обслуживающие, с одной стороны, вашу типографию, а с другой стороны — идущие за колчаковскими офицерами. Так оно на самом деле и есть.

Товарищи, прошу вас иметь в виду, что никто из нас никогда не думал обвинять оппозицию в том, что они — контр-революционные заговорщики, — пока до этого дело не дошло. Они обвиняются с нашей стороны в том, что своей бесшабашной борьбой против партийной и советской легальности, бесшабашной ломкой законов пролетарской диктатуры притягивают всякий сброд, окрыляют его. Этот сброд цепляется за фалды оппозиции, стремится пролезть с ними в щель и об'явить себя их союзниками. В ответ на это с величайшим негодованием говорят: это не

наши, мы сами готовы их расстрелять, берите их к себе, делайте, что угодно. Мы знаем, что это должно быть так: оппозиционеры будут отталкивать этот сброд, а он будет к ним опять прилипать, будет к ним итти по всяким каналам. Почему? Потому что противники нашей власти в нашей стране отлично понимают, что, ломая рамки диктатуры своей внутрипартийной борьбой, рамки, установленные партийным режимом, они открывают щель, куда идут все остальные.

Вот почему совершенно прав по отношению к теперешнему времени был тов. Каменев, который еще в январе 25 года говорил, что «оппозиция Троцкого стáла символом всех анти-коммунистических сил».

Нас ругают «бонапартистами», «узурпаторами» и проч., но что скрывается за всеми этими криками? Вообще говоря, как понимался до сих пор бонапартизм? До сих пор бонапартом или бонапартистами именовали какую-нибудь сильную личность или группу таких людей, которые, насилуя волю крупного коллектива и апеллируя к улице, делают свое дело. У нас есть партия, миллион человек, у этой партии есть коллективная воля, вырабатываемая и воплощаемая на с'ездах, и есть, с другой стороны, несколько человек, которые на Яро-

славском вокзале апеллируют к молочницам. И вот эти одиночки, которые идут против огромного коллектива, говорят этому огромному коллективу: «это бонапартисты, а мы воплощение воли партии». (Смех.)

Это как-то странно выходит. Они говорят: «вы нарушаете волю партии», т. е. огромное партийное большинство и с'езд нарушают волю партии,—а они, кучка, герои Ярославского вокзала, являются воплощением партийной воли — «вокзальные» герои. Они говорят: мы демократы, а вы узурпаторы. Но, очевидно, «демократизм» заключается в том, чтобы не выполнять ни одного решения большинства и нарушать самым неделикатным образом свои собственные обещания. Это есть демократизм, а противоположное — это «узурпаторство», «бонапартизм» и проч. Тут не только все стоит в голове, а и ходит на голове (смех), и это называется оппозиционной установкой.

А смотрите, как расценивают дело наши враги. Не так давно в газетах появилась оценка Ллойд-Джорджа, очень умного человека. Этому человеку В. И. Ленин хотел посвятить свою брошюру «Детская болезнь левизны в коммунизме» с ироническим подзаголовком. Я видел эту рукопись, когда Ленин мне ее прислал, с посвящением «господину Ллойд-

Джорджу, за его почти марксистские речи там-то и там-то». Иронически Ленин хотел сказать: вот хитрая бестия Ллойд - Джордж, как он ловко видит опасное для себя сложение общественных сил и почти по-марксистски анализирует его. Так вот этот Ллойд-Джордж написал о Троцком, что его левые фразы — это чепуха, но если говорить о сильных личностях с намеком на бонапартизм, то они могут выйти только отсюда. Ну, конечно, этому не бывать.

Оппозиционная идеология — идеология неоменьшевизма.

Но я должен, в связи с этим, сообщить вам одно интересное произведение. Правда, этого произведения у меня, к сожалению, нет текстуально, а есть в форме изложения доклада одного лица относительно взглядов его по поводу 10-летия Октябрьской революции. Это лицо пишет следующее, — я буду читать только наиболее важные места: «В СССР чувствуется всеобщее разочарование в пролетарской революции». В крестьянстве происходит процесс бонапартизации. Крестьянство ищет сильного человека или, на первых порах, коллегию людей, который или которая могли бы закрепить завоевания

крестьянской революции. В крестьянстве пробуждается жажда накоплений, жажда пожить вволю, и оно начинает уже открыто враждебно относиться к рабочему классу. «Более честные и добросовестные из большевиков сами признают эти опасности. Так, Каменев в 1925 г. предостерегал свою партию, указывая на быстрый рост кулачества, которое, по подсчетам Каменева, уже тогда, в 1925 г., составляло около 12 проц. всего крестьянства и выбрасывало на рынок 60 проц. всей крестьянской продукции». На ряду с ростом кулака растет и сельскохозяйственный пролетариат, увеличивая собой армию безработных. Нижние этажи советского государственного здания, как сказал один из честных большевиков, затопляются крестьянской стихией».

«Нужно было семь лет практического опыта, чтобы добросовестные большевики, т. е. коммунистическая оппозиция, признали этот факт в 1927 году. Она, эта оппозиция, устами Троцкого заявила в августе на пленуме ЦК: «Пролетариат все более и более свертывается, уступая место другим классам, которые все более и более развертываются». Этим самым оппозиция коммунистической партии

признала то, о чем Мартов и вся российская с.-д. партия постоянно твердили: социалистическая революция в СССР невозможна, и, если она будет начата, то потерпит крах в виду низкого уровня хозяйственного и культурного развития России». Совершенно прав был покойный Мартов, декларировавший, что только решительный отказ от диктатуры и переход к политической демократии спасет русскую революцию. «Этот взгляд снова и снова, — подчеркивает докладчик, — усвоили теперь и честные большевики».

«Наш путь — заканчивает он — спасения революции и ликвидации большевистской диктатуры, как наивысшего препятствия к осуществлению социализма, заключается в неустанной антибольшевистской пропаганде и в соответствующем давлении на рабочий класс СССР. И надо сказать, что, несмотря на наше нелегальное положение в СССР, нам удалось и удается направить часть рабочего класса и даже часть членов коммунистической партии без того, чтобы эти коммунисты отдавали себе в этом отчет, на тот путь, который нужен, на путь ликвидации большевизма».

Я это цитировал из доклада члена ЦК РСДРП Рафаила Абрамовича.

Товарищи, вы видите, что не подлежит сомнению глубочайшее родство всей идейной установки новой оппозиции, во главе с Троцким, с меньшевикам. Оппозиция, несмотря на прикрытие левыми жестами и проч., по существу дела в коренных вопросах нашей революции переходит в лагерь, как Троцкий сказал в 1923 г., меньшевиков и либералов. Само собою разумеется, что со всей этой установкой трудно вести энергичную пропаганду защиты СССР. И нечего тут кокетничать и очень обижаться, когда мы говорим товарищам из оппозиции, что они условные оборонцы по отношению к нашей республике. Ведь нельзя же вдохнуть энтузиазм в рабочих, говоря им: защищайте СССР, потому что там термидорианцы. Нельзя же говорить рабочему классу других стран: направь оружие в защиту СССР, хотя в СССР хуже и меньше свободы, чем в Германии. Ведь это же позиция абсолютного лицемерия. Из этой позиции выход единственный: или стать открыто на меньшевистские рельсы, открыто сблокироваться с меньшевиками, или открыто признать свои ошибки и преступления пе-

ред партией. Третьего пути не дано. Мы призываем оппозицию выбрать либо одно, либо другое; открыто стать с меньшевиками или открыто стать с нами, признав свои преступления.

Мы будем итти вперед, пока мы живы!

Товарищи, одна из наших задач — это систематическая борьба убеждением, борьба за каждого честного оппозиционного рабочего, ибо мы не должны не дорожить честными и действительно революционными рабочими. Одна из задач нашей дискуссии заключается в том, чтобы переубедить честных, хотя бы и немногих, но все-таки имеющихся, сторонников оппозиции. Тогда оппозиционные вожди, адмиралы швейцарского флота, оставшись без армии, или бросят свою губительную борьбу, признав свои ошибки, или открыто перейдут в лагерь меньшевиков. Последнее будет чрезвычайно плохо с точки зрения индивидуальной судьбы этих вождей. Мы всей душой не хотим этого, но мы не можем из жалости к тому или другому лицу, хотя бы и имевшему крупнейшие заслуги в нашем рабочем движении, на основании этого прошлого, жертвовать настоящими, действительными,

общими интересами нашего рабочего класса. И мы заявляем, что будем бороться со всей решительносотью со всеми теми, кто попытается тащить или тащат своих товарищей в меньшевистское болото.

Не для того мы брали власть в свои руки, не для того проделывали Октябрьский переворот, чтобы задним ходом притти к позиции октябрьских дезертиров. Мы брали знамя Октябрьской революции для того, чтобы итти вперед, и будем итти вперед, пока мы живы! (Бурные продолжительные аплодисменты.)

СОДЕРЖАНИЕ.

4

20 коп.

1927

